

Санкт-Петербург Интеллигент

Международная литературно-публицистическая газета. №11 (11), декабрь 2011 г. <http://provintelligent.ru>, spb-intelligent.web.officelive.com
Газета выходит один раз в месяц. Контакты для участия и сотрудничества, E-mail: spb.intelligent@gmail.com, provint.pashckov@yandex.ru

В Краснодаре презентуют медийный проект «Интеллигент»

Взгляд со стороны

Во вторник, 20 декабря, в литературном кафе «Набоков» пройдет презентация международного медийного литературного проекта «Интеллигент».

Как стало известно, «Югополису», о проекте гостям вечера расскажет краснодарский представитель международного литературного издания «Интеллигент», поэт Андрей Насонов.

Также в программе презентации запланировано выступление авторов, публиковавшихся в изданиях проекта, поэтов: Анны Мамаенко, Марины Мартыновой, Романа Края, Юрия Наумова, Виталия Бородина и др.

Проект «Интеллигент» представляет собой группу 3-х литературно-публицистических газет. Это «И. Москва», «И. Санкт-Петербург» и «И. США». В каждой присутствуют многочисленные вклады из различных регионов России и зарубежья, представляющих разнообразные литературные объединения и авторов.

Газеты издаются в карельском городе Костомукша в типографии ООО «РИЦ «Вяи-нола». Учредителем издания является специалист в области информации Сергей Пашков.

Краснодар был в числе первых регионов, который начал участвовать в проекте. За 2 года сотрудничества было опубликовано около трех десятков краснодарских авторов.

Кафе «Набоков»
Фото: Юрий Гречко / Югополис

Взгляд изнутри

Анатолий Мовшович

«Интеллигенты» как у себя дома. Крас- нодарские хроники

20 декабря в Краснодаре в литературном кафе Набоков поэт Андрей Насонов представил международный литературно-публицистический проект «Интеллигент».

Газеты «Интеллигент» и «Провинциальный интеллигент» были, как у себя дома, на столах среди чашечек кофе, в окружении книг, в совершенно интеллигентской обстановке кафе «Набоков». Всё здесь располагало к тому, чтобы, удобно расположившись на старинном диванчике и потягивая кофе, углубиться в чтение газеты, послушать стихи или предаться рассуждениям о литературе.

Во вступительном слове краснодарский представитель проекта Андрей Насонов рассказал об истории становления изданий «Интеллигента», о его сути и задачах.

После вступительного слова с небольшой сцены в конце камерного уютного зала выступили авторы, чьи произведения были напечатаны в изданиях «Интеллигент» и «Провинциальный Интеллигент 1». На суд

слушателей представили свои стихи Николай Анисимов, детский писатель Анатолий Мовшович, Марина Мартынова, Сергей Абалмазов, главный редактор журнала «Новый Карфаген» Валерий Симонович, Татьяна Шкодина, Александр Сапунов, Юрий Наумов, Виталий Бородин, а также «молодая кровь», студенты Куб ГУ – Елизавета Двоглазова и Мария Косякова. Так же свои песни и музыкальные произведения представили Евгений и Татьяна Шкодины.

Открывая заключительную часть вечера «свободный микрофон», Андрей Насонов поблагодарил собравшихся за оказанное внимание и призвал к сотрудничеству, добавив:

«Краснодар был в числе первых регионов, который начал участвовать в становлении проекта «Провинциальный интеллигент» и продолжает участвовать в рамках региональной странички в изданиях «Интеллигент». За два года сотрудничества было опубликовано около трёх десятков авторов из Краснодара и Краснодарского края». В рамках «свободного микрофона» презентации со своими стихами символично выступил организатор краснодарского конкурса поэтического мастерства «Свободный микрофон» Дмитрий Мирошников.

Андрей Насонов

Шкодины Татьяна и Евгений

Марина Мартынова

Сергей Абалмазов

Виталий Бородин

«МЕЖДУ НЕБОМ И МНОЙ...»

Стихи, которые народ ценит и запоминает, всегда о любви: к Родине, Богу, человеку.

Владимир Шемшученко распахнул врага своей поэзии для простых людей и обычных ситуаций. Но, как всякий талантливый творец, рассмотрел в образах обыденных приметы вечности, Божью искру и суть русской истории.

Ранний опыт главного лирического героя суров, и, кажется, автобиографичен. Впрочем, автор должен уметь смотреть на мир глазами выдуманных персонажей: «Любил я блатные словечки /И драки квартал на квартал. /И жизнь не плясала от печки, /А волчий являла оскаль». Водка, драка, осознание одиночества среди дикого размаха евразийских просторов — пульс реальной жизни: «Юность в отчем краю бесшабашной была — /наше вам... из карлаговских мест. /Я из дома ушёл, закусив удила, /А очнулся — трелёвка окрест. /Я погнал своё время, пустил его вскачь - /Эка невидаль — лесоповал! - /Ел подёшны хлеб, пил вино неудач, /Протрезвившись, ещё наливал».

В упоминаниях о лагерях, татуировках, отсиживших родных и друзей невольно замечают интонации шансона. Поэт утверждает, что не любит блатных песен, однако стихи говорят обратное, может, просто признаваясь в симпатии к шансону — дурной тон?

Но в народе такие песни популярны. Тем более, что у поэта это лишь поверхностный слой рискованного опыта, скрывающий глубину философских смыслов.

Мы проследиваем путь лирического героя далее. Узнаём, что вырос он в Азии, но всегда чувствовал себя чужим на Востоке. Время раскола СССР отразилось на его судьбе, вынудив уехать в Россию. В стихах, где упоминается Восток, я не вижу ностальгии, скорее страх перед ним, подступающим к русскому миру. «Южный ветер хохочет в трубе водосточной, /по-разбойничьи свищет и рвёт провода... /все назойливей запахи кухни восточной, /но немногие знают — так пахнет беда». «А нечисть ползла и ползла, /душа цепенела от страха... /и вот — ни кола, ни двора, и русские верят в Аллаха».

Но есть и «старый казах, который не выдал толпе иноверца». И констатация исторического возмездия: «Смейтесь, братья мои! Нам ли нынче стонать и сутулиться! /Смейтесь, сёстры мои! Вы затмили достойнейших жён! /Посмотрите в окно... Кто метёт и скребёт наши улицы? /Это дети оравших до времени: «Русские вон!».

Изображение коллизий повседневности, её конфликтных узлов, разрушаемых авторской строкой, придаёт творениям Владимира Шемшученко подлинную мудрость:

«О высший смысл земного бытия — /в величии своём неповторимый, /и в низости своей необозримый, /в сравнении с тобой что значу я?».

Столь возвышенное и вдумчивое отношение к жизни часто обрекает на скитание и непонятности окружающими, оглушенными материализмом: «Одиночество — оно страшнее плена, /ведь не каждому дано писать навзрыд. /Не горит в печи намокшее полено — /Одинокое полено не горит». Порой поэт обречён на пожизненное заключение в виртуальной одиночке. Но лирический герой Владимира Шемшученко после испытаний находит любовь: «Ничего я тебе не скажу. /Я тобой безудержно болею /И желаю тебя и жалею /И дыханье твоё сторожу... /Чиркну спичкой — и станет светло, /И в оконном стекле отраженье /Передразнит любое движение /И рука превратится в крыло». Семья — становится приютом души, где находит отдохновение и силы для самоутверждения в мятушемся мире: «Вокруг Гоморра и Содом. /Сегодня это многим нравится. /А у меня жена и дом. /Жена, как в юности, красавица. Многие стихи посвящены детям и женщине его судьбы. Мир семьи вдохновляет и даёт надежду. Замечается лирика в повседневности, в течение жизни с её очарованиями, разочарованиями, разлуками и воспоминаниями. Отдельно стоит упомянуть о том, что и о домашнем зверье — собаках и кошках Владимир Шемшученко пишет с есенинским теплотой и сочувствием. Кавказская овчарка, на которой остались шрамы войны; котёнок, подобранный сынишкой; бродячий пёс.

«Пёс отскочил от протянутой мною руки — /Били, конечно, когда доверялся прохожим... /Воет метель, беспощадно диктует стихи, /И наплеватель ей, что псы и поэты похожи».

«Жаль, что век твой недолог, — /совсем уже морда седеет. Я прошу тебя, псина, от смерти беги со всех ног. /Ну а если уйдёшь,

ты достойна собачьего рая — /У меня на руках африканский дремлет щенок».

Но уют сиюминутных домашних впечатлений никогда не заслоняет великий и опасный путь страны. Традиционное для русской поэзии осознание связи поколений серьёзно осмыслено в стихах В.Шемшученко. У поэта — собственная судьба, но в ней — отзвуки судеб деда, отца, всего русского племени. Эти нити вплетены в полотно истории, в бескрайний гобелен с трагическими сюжетами былого: «Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГА. /Руби руду! Баланду съешь потом... /Мой дед с кайлом в обнимку — доходяга. /А я родился... в пятьдесят шестом. /Война. Концлагерь. На краю оврага/ Эсэсовец орудует хлыстом... /Отец с кайлом в обнимку — доходяга. /А я родился... в пятьдесят шестом». Раздумья о судьбах России не могут оставлять человека в стороне от знаковых для неё событий, ответственности за происходящее. Даже если ты — не представитель властной элиты, а винтик, на её взгляд. Нравственные традиции русской классики, включающие в себя разграничение света и тьмы, добра и зла, вдохновляют авторскую волю к битве за свои идеалы, которые одновременно являются и идеалами народных. Любовь рождает ответственность за любимое. Поэзия такого типа помогает в сближении с религией, конечно, при условии, что читатель она изначально близка: «Бегут высокочувствительные столбы, /За поездом, кочующим по свету/ Восходит сердце к Новому Завету, /А разум ждёт возмездия судьбы».

Тема русских городов с их индивидуальной мистической аурой и исторической судьбой занимает заметное место в творчестве Владимира Шемшученко. Кажется, сердцем он выбрал северную столицу. Конечно, обращения к Москве и Петербургу, их описания не лишены печальных примет времени. Но всё же в стихах о Петербурге чувствуется больше романтизма: «Я завидую тем, кто родился у моря. /У людей в Петербурге особая стать. /Я стою на мосту в одиночном дозоре /И учусь по слогам этот город читать/. Свирепеет зюйд-вест, и вода прибывает, /Застонали деревья в окрестных лесах... /Я представить не мог, что такое бывает: /Город в море выходит на всех парусах!»

Бывает, проскальзывает горькая ирония в стихах о Петербурге:

«...Приветствую тебя, моя столица, /шуршаньем деревянного рубля. /Сегодня ты на диво хороша. /Большому кораблю — большая свалка».

Но, всё-таки в строчках о Москве больше отстранённости, поэт держит дистанцию: «Подкрался унылый трамвай, /Загаженный свежей рекламой. /Ещё не дописанный драмой разит из метро наяву, /И, чтобы в сердцах не назвать /Столицу купринскую «Ямой» /Я сразу спасительно вспомнил, /Что в Санкт-Петербурге живу».

Больше живого сочувствия в стихах, обращённых к северной Пальмире: «Дождь на Неву опустился с утра. /Пушка ударила в небо. /Дремлет страна, а в кармане — дыра, /Значит, не будет хлеба./ Не удалось ничего накопить /Выходцам из барака... /Смирно «Аврора» сидит на цепи, /Словно больная собака».

А вот о Москве говорится, словно из чувства долга, но без ощущения душевной близости. Она, потерявшая былую святость матери городов русских, пронизанная враждебными энергиями, чужда простому человеку. Он согласен даже на её сожжение, веря, что на пепелище возстанет новый град: «Гуляй, Вавилон! Разбазаривай грады и веси! /Гони русский дух и поэта гони аки пса, /Но помни о том, что бесстрастно грехи твои взвесит /Всесильный Творец, и падут на тебя небеса!...О, как ты был прав, поджигатель Москвы неизвестный. /Вернись сквозь века и сверши, что тебе суждено. /А люди придут, осеняясь знаменем крестным, /И стены поднимут, и в пепел уронят зерно».

Москва столь осквернена, что её нужно развезть пеплом и создать с нуля. А Петербург сохранил живую душу.

У Владимира Шемшученко много размышлений о назначении поэзии и роли поэта в эпоху разочарований и эгоизма. Творческая личность у Шемшученко — сильная натура, выскивающая идеального мира, страдающая от несовершенств мира реального. Страстные, резкие обличения бросает он современникам, обвиняя их, призывая к духовному возвышению. Но и себя не щадит. Обречённость талантливого человека, его призвание служить высшим истинам — беспощадна: «Была бы на то моя воля — /Ни строчки бы не написал!» Он прямолинейен и чеканит строки

как лозунги: «Всяк за своё ответит. /Каждому — свой черёд. /Слово, если не светит, — /Запечатает рот... Пуля — она не дура, /А провиденья рука. /Да здравствует диктатура /Русского языка!». Позиция поэта-обличителя идёт от пушкинского «Пророка», от пушкинских укуров власти и толпе.

В стихах Шемшученко нет искусственной усложнённости формы, заведомой неясности выражения мысли. Как в стихотворении о казачьей песне: «Все так просто, по-русски, без глупых прикрас». А минорный фон многих лирических сюжетов создан трезвым пониманием безрадостной действительности: «Мысль превращается в слова, /Когда, безумием объятый, /Ты слышишь, как растёт трава /Из глаз единственного брата, /Когда ночей твоих кошмар /Впиывается в неровность строчек, /Когда о край тюремных нар /Ты отобьёшь остатки почек, /Когда кружит водоворот, /Когда не объяснить событий, /Когда копаешь, словно крот, /Нору в осточертевшем быте».

Но если ты поэт, то отвечаешь не только за себя, но за связь земли с небом. «Между небом и мной неразрывная нить». Поэт как жрец, как пророк, осознающий свою человеческую малость и слабость, но борющийся с ними. Сильный и трагический характер. Показывает мир погрязшим во грехе, но вновь и вновь пытается спасти его в творческом усилии, заклиная стихами: «Слышащий — да услышит. /Видящий — да узрит. /Пишущий — да напишет. /Глаголящий — повторит». Слову придаётся смысл магический, нет, скорее молитвенный. Не всякий талант воеует на стороне Бога: «Не заглядывая в бездну, поэт - /Жизнь земная всего лишь минутка. /Расскажи, как цветёт незабудка, /Поднебесья вобравшая цвет». Не заглядывать в бездну — это очень по-христиански, но, на мой взгляд, излишне осторожно для вольного творца. Заглянуть и остаться прежним — это ли не испытание для сильного характера?

Шемшученко много размышляет о судьбе слова в наше время: «Золотые слова растащили по норам ворьё, /И аукнулась нам бесконечная наша беспечность». «Позарастала жизнь разрыв-травой. /Мы в простоте сказать не можем слова. /Ушёл, не нарушая наш покой, /Безвестный гений, не нашедший крова». «Как в ржавых механизмах шестерёнки, /Скрипят стихи — поэзия мертва... /Мы днём и ночью пишем похоронки /На без вести пропавшие слова».

Он думает о других поэтах. О бунтарях, ушедших, «не умея служить и прислуживать» и их антиподах, в которых я узнаю некоторых патриотов, распинающихся о любви к России, не православных, а православствующих, действующих с оглядкой на власть и спонсоров:

«Врачем людские пороки /За предполагаемый грош. Нам влепят вселенские строки /За вечную трусость и ложь». Показывает мир погрязшим во грехе, но вновь и вновь пытается спасти его в творческом усилии, заклиная стихами. Должен создавать альтернативу распаду, унынию, согласно толпы со злом: «До хрипоты с судьбою/ Спорь, не теряй лица./ За женщину — только стой!/ За Родину — до конца!» Слову придаётся смысл магический, нет, скорее молитвенный: «В урочный час последыши стиха /Россию оправдают перед Богом».

Ценность родной речи тем выше для Шемшученко, что он вернулся на родину из чужого, ставшего враждебным, края. «Не то чтобы нас пригласили — /Скорее, наоборот. /Но мы приезжаем в Россию /Из всех суверенных широт... /Над мыслями нашими властвуй. /Пришли мы к тебе налегке... /Как сладко сказать тебе: «Здравствуй!» - /На русском своём языке». «Коль написано на роду /В Петербурге мне быть поэтом, /Не воспользуюсь я советом: /«Да пошёл ты в Караганду!»

Тема речи перекликается с темой молчания. Это две стороны одной медали для творческого человека, который изнемогает от борьбы с равнодушным миром и порой отчаивается. Разочарование прорывается на страницы: «Я на ночь не читаю нестихи, /И днём я их обычно не читаю — /Вместилищам словесной шелухи /Молчанье звёзд теперь предпочитаю. Или: «Переосмысливаю быт. /Переиначиваю строки. /Когда горланят лжепророки, /Поэт молчаньем говорит».

Неоднократно встречается этот мотив у Владимира Шемшученко — констатация бесили поэзии, которая не может изменить мир: «Стало страшно читать и писать, /К не любви людской прикасаться - /Потерявший желанье спасти /Обретает желанье спасать...»

Спит дочурка, спит маленький сын. /Ночь звезду за звездой зажигает. /Разжигает стихами камин. /Мне жена помогает».

Но момент уныния проходит. Это как отступление на войне, после которого наступление ещё яростнее: «А я всё хмурю брови /И лезу напролом - /Поэзия без крови /Зовётся ремеслом». «Мне только бы мысль не сплунуть, /О главном поведать, о новом... /Сказать, а верней, полоснуть /По нервам отточенным словом». Русское правдоискательство, жажда народной правды пронизывает монологи автора, чей взлёт пришёлся на времена кардинальных исторических перемен и социальных катаклизмов. Чувствуется в его строчках волевой напор и уверенность в своих силах. В чём сила? Сила его песен от матери-земли, от господнего неба, от песен, даже от печалей, которыми богат человеческий век. Нужно только уловить эту незримую энергию. И пусть экзистенциальные открытия поэта — следствие личных неурядиц и катастроф современности, нравственная и эстетическая ценность высоких порывов души от этого несколько не уменьшается. Ведь главное — вывод, к которым приходит человек: «Не желаю стиха, как жаркое на блюде, /господам подавать, демонстрируя пруть».

Если я упаду, ничего мне не будет, - /Между небом и мной — неразрывная нить».

Взаимоотношения Поэта и Бога важны для Владимира Шемшученко. Бог этот — христианский, православный, чья природа сродни человеческой — рождённый от земной матери и распятый за людские грехи.

«Блажен, кто по ночам не спит /И времени не замечает, /Кто сыт пустым недельным чаем, /Кто знает — ДУХ животворит... /Блажен, кто верою горит /И в этом пламени сгорает, /Кто на путях земного рая /Взыскует скорбь в поводири».

Христос близок русскому поэту, потому что так же знает, что такое боль, оставленность, жертвенность. С Христом поэт чувствует себя способным защищать народ, справедливость, честь и славу Родины. «А за песней и к небу России /Кто-нибудь да поднимет глаза». О чём просит он, русский человек, в безжалостном мире? «Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу /В замёрзшем окошке, и свет снизойдёт к изголовью... /У Господа я всепрошнётся себе не прошу, /Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью». «Мне такого народа не жалко! /И себя мне такого не жалко! /Я гордец, не умею молиться. /Я умею лукавить и красть. /Богородица скорбно глядит, /и свеча разгорается ярко.. /Дай мне, Господи, остановиться, /чтоб в неверье своём не пропасть!»

«Благодать» и «преображение» — эти сложные понятия можно отнести к некоторым состояниям, озвученным в стихах Шемшученко. «И сдержат не смогу подступающих слёз, /Что приносят прозренья и очищенье. /Скорю вспыхнет звезда, и родится Христос—/Остальное уже не имеет значения». Но поэт самокритичен и может смиренно констатировать несовершенство окружающих и себя самого относительно религии: «Вот и отшумело Рождество, /Утомив торговцев и таксистов. /Боже, маловерья моего /Хватит на десяток атеистов». Порой посвоему трактует отношение к добру и злу: «Дьявольский смысл обретает /непротивления грех: /жизни на всех не хватает. /Смерти хватает на всех».

Автор знает, что гармония в земном мире, как и небесное царство, достигается усилием. И в своём творчестве сумел коснуться пределов души, где таятся воспоминания о том, что человек — образ Божий.

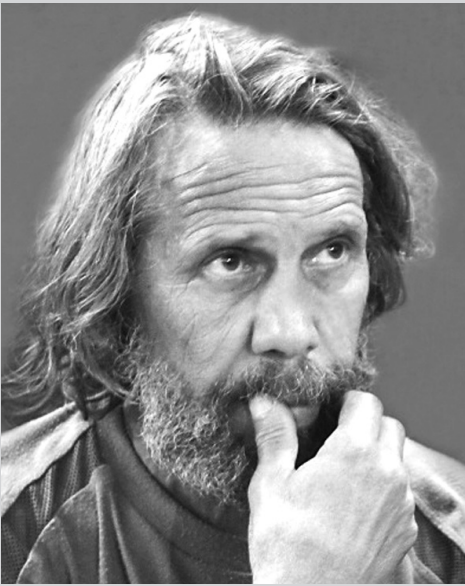
Автор статьи:

Марина СТРУКОВА

Родилась в п. Романовка Саратовской области. Окончила Университет искусств (факультет станковой живописи), МЭГУ (факультет литературы и русского языка). Работала учительницей, корреспондентом, литературным редактором. Выпустила три поэтических сборника: «Чертополох», «Солнце войны», «Серебряная пуля». Публиковалась в изданиях: «Наш современник», «НГ-Exlibris» «Роман-журнал XXI век», «Аврора», «Завтра», «День литературы», «Волга» и другие.

Член Союза писателей России.

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Родился в 1956 г. в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и Московском литературном институте. Работал в Заполярье, на Украине и в Казахстане. Прошёл трудовой путь от ученика слесаря до руководителя предприятия. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Кавалер ордена Святого благоверного князя Александра Невского «За заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление государства Российского». Лауреат Международной премии «Поэзия», международной премии Семёна Полоцкого, международной премии им. Михаила Матусовского и международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских, победитель Первого, Второго, Третьего и Четвёртого международного конкурса поэзии в г. Москве. Награждён Патриархом Московским и всея Руси Алексием II золотой медалью Сергея Радонежского I степени. Лауреат Всероссийских премий имени Н. Гумилёва, А. Прокофьева, Хрустальной розы Виктора Розова, «Югра», лауреат Первого Всероссийского Православного конкурса поэзии им. А. Невского, лауреат премии журнала «Наш современник» в области

поэзии за 2007 год, лауреат премии журнала «Москва» в области поэзии за 2008 год, лауреат премии журнала «Сура» в области поэзии за 2010 год, обладатель «Золотого пера Московии», победитель международного фестиваля поэзии «Славянские традиции» 2010 года, дипломант премии им. А. И. Бунина, действительный член Петровской Академии наук и искусств. Главный редактор журнала «Всерусский собор», газеты «Небесный всадник», собственный корреспондент «Литературной газеты». Награждён Почётной грамотой Союза журналистов РФ «За большой вклад в развитие российской журналистики».

По итогам Второго открытого Всероссийского конкурса поэзии в доме-музее Игоря Северянина назван «Королём Поэтов».

Участник шести антологий поэзии. Автор десяти книг стихов.

* * *

Как много в городе снега!
Бери и стихи пиши.
В вагоны метро с разбега
Прыгай, буянь, грехи.

До хрипоты с судьбою
Спорь — не теряй лица.
За женщину — только стоя!
За Родину — до конца!

И пусть второму — корона,
А третьему — соловьи...
Ты первый! Крылья грифона —
Твои!

Взлетай и лети... Так надо!
Не возвращайся назад —
Писательские заградотряды
Поэзию не шадят.

* * *

В предчувствии первого снега
Трепещет больная душа.
И ночь хороша для побега.
И вольная мысль хороша.

Бреду по сиротской дороге
Под мертвенным светом луны...
Мы все вспоминаем о Боге,
Когда никому не нужны.

* * *

Мироточат иконы.
Кровоточат слова.
Колокольные звоны
Над тобою, Москва.

Я устал торопиться
И перечить судьбе.
Окольцованной птицей
Возвращаюсь к тебе.

Постою у порога,
Где толпится народ.
...Кольцевая дорога
Никуда не ведёт.

* * *

Бросил в угол и ложку, и кружку,
И, когда это не помогло, -
На чердак зашвырнул я подушку,
Что твоё сохранила тепло.

Не ударился в глупую пьянку,
Не рыдал в тусклом свете луны,
А принёс из подвала стремянку,
Чтобы снять твою тень со стены...

* * *

Скоро утро. Тоска ножевая.
В подворотню загнав тишину,
На пустой остановке трамвая
Сука песню поёт про луну.

Вдохновенно поёт, с переливом,
Замечательно сука поёт.
Никогда шансонеткам сопливым
До таких не подняться высот.

Этот вой ни на что не похожий,
Этот гимн одинокой луне —
Пробегаешь волною по коже,
Прилипает рубашкой к спине.

Пой, бездомная! Пой, горевая!
Под берёзою пой, под сосной,
На пустой остановке трамвая,
Где любовь разминувшись со мной.

Лунный свет я за пазуху прячу,
Чтоб его не спалила заря.
Плачет сука, и я с нею плачу,
Ненавидя и благодаря.

МАРИНЕ

Ничего я тебе не скажу.
Я тобой безнадежно болею.
Я желаю тебя и жалею,
И дыханье твоё сторожу.

Чиркну спичкой, и станет светло,
И в оконном стекле отраженье
Передразнит любое движение,
И рука превратится в крыло...

ПОЭТЫ

По привычке кусаем ближних —
Неуживчивый мы народ.
Ради мнимых успехов книжных
Затыкаем друг другу рот.

Наши мысли о дне вчерашнем,
Как прокисшее молоко...
Бедным - трудно.
Богатым — страшно.
А кому на Руси легко?

Белый день. Белый снег.
И бела простыня.
Бел, как мел, человек.
Он бледнее меня.

Он лежит на спине,
Удивлённо глядит —
По отвесной стене
Страшновато ходить.

“Помолчите — больной.
Не дышите — больной” —
Говорит ему смерть,
наклонясь надо мной.

Татьяна Василяди

Родилась в Одессе. По образованию — архитектор. Профессий много. Стихи начала писать в 2009г. Публиковалась в разных сборниках, журналах и газетах. Многим читателям знакома по публикациям в альманахах «Золотая строфа».

НА СЧАСТЬЕ НАМ НЕ ВЫДАЮТ ЛИЦЕНЗИЙ

Заели будни, скомканы привычки,
Романтика умчалась в неизвестность...
Все перестало быть сугубо личным,
Но до конца не сделалось совместным.

Мечты о счастье выгорели быстро
В молчании пустыми вечерами...
Что зажигалось раньше, как от искры,
Сегодня жалко тлеет угольками...

А разбежаться, снова стать свободным?
Так одиночкой — тоже не комфортно.
Вот разобрать до косточек подробно
Чужую жизнь — послаще будет торта!

Кому-то проще и намного легче,
Раз не боится резкости решений:
Не затянул удавку, да покрепче,
А разрубил! — не все вдвоем везенье...

Чтоб совместить мечты свои по граням
Романтики и будничного ритма,
Таких простых на первый
взгляд желаний —
Да к черту страх и планов алгоритмы!

Конечно, можно жить и без претензий,
И по уши закутаться в работу...
А счастье без акцизов и лицензий
Плюет на визы, на контроль, на квоты!

ЧУЖОЙ

Предательство друга —
удар в подреберье!
Дышать невозможно, когда
Размазан по стенке... морозит безверье,
Как будто касаешься льда.

В душе — пустота. На двоих все делили
И главный совет — от него!
Разорвана связка совместных идиллий,
Веревка — в руке одного...

И боль, что так остро в висках отдается,
Его не волнует никак...
А сердце так гулко и бешено бьется —
Твое за двоих, но не в такт...

И крепкую дружбу с разбитым бокалом...
Уже вам допить — не дано...
С осколками рядом ее расплескало,
Как будто по полу вино.

Себя обвиняя во всем понемножку,
Ты сможешь его оправдать...
Но тот, кто однажды
подставил подножку —
Сумеет повторно предать...

Проходят года, исчезает досада,
Осадок — совсем небольшой...
Случайно столкнувшись и
встретившись взглядом,
Поймешь — ничего за душой:
Ни злости, ни грязи, ни чувства обиды.
Осталось все в жизни иной...
Ты справил давно по нему панихиду,
А этот — прохожий ... чужой.

МНЕ НЕ БОЛЬНО

Говори, говори — мне не больно.
Я не раз испытала судьбу.
И порой заклинала:
— Довольно, не дойти, упаду, пропаду!

Но вставала и вновь начинала...
все сначала, от самых корней:
умирала, опять воскресала,
не считала ни суток, ни дней.
И, не зная, где черпались силы,
задыхаясь на каждом шагу,
надрывая все вены и жилы,
я цеплялась за нить — убегу!

Корешок, как всегда разрастался
до зеленых цветущих ветвей,
а затем увядал и ломался...
Каждый раз все больней и больней...
Боль копилась, сжималась и крепла,
заполняя все клетки в крови
и, сжигая всю душу до пепла,
стала чем-то привычным внутри.

Научилась с бедою справляться,
разучилась любить и страдать
и всего перестала бояться,
никуда мне не надо бежать...
У судьбы нет дороги окольной,
далеко от нее не уйти...
Говори, говори — мне не больно,
ведь живого во мне —
не найти...

Я ВЕРНУСЬ К ТЕБЕ

Я вернусь к тебе каплями рос,
На ресницы прилягу рассветом.
Ты прохладную влагу смахнешь,
Но почувствуешь — рядом я где-то...

Я вернусь к тебе жарким лучом,
Что глаза ослепляет до боли,
Опалю твою память огнем,
Уничтожу в ней ложь поневоле.

Я вернусь к тебе ночью тоской,
Пледом грусти накрою беспечно
И напомним, как рядом со мной
Был порою таким бессердечным ...

Я вернусь к тебе хитрым котом,
Тем, что ластится, нежно кусая,
Расцарапаю грудь коготком,
Чтобы понял, как больно бывает...

Я вернусь и оставлю печаль,
Как бы ни было это безбожно...
Только зря ты решил сгоряча,
Что обидеть меня — невозможно...

Залман Шмейлин

Закончил Львовский Политехнический институт. По профессии инженер-электрик. В Австралии с 1996 года. Печататься начал в студенческие годы, совмещая учебу с работой в молодежной газете. К литературной деятельности вернулся уже в эмиграции. Печатался практически во всех местных периодических русскоязычных изданиях и нескольких австралийских литературно-поэтических сборниках, а также в США, Германии, Великобритании, России. Публикации: журнал «Острова» (Нью-Йорк), альманах «Альбион» (Лондон), журнал «Лауреат» (Москва), журнал «Дон» (Ростов-на-Дону), газета «День литературы» (Москва), газета «АПИА» (Лондон), альманах «Австралийская мозаика» (Сидней), альманах «Витражи» (Мельбурн). Лауреат поэтических конкурсов, финалист лондонского Турнира поэтов «Пушкин в Британии» 2007. Автор стихов, рассказов, эссе. Член Международного Союза писателей и публицистов АПИА. Президент литературно-творческого объединения «Лукоморье» г. Мельбурн.

* * *

**Знал бы все, ходил бы во всезнайках,
Прирастал везучестью в разы,
В играх всяких, типа «угадай-ка»
Получал бы главные призы.**

**Но, всегда выигрывая в покер,
Я б познал, что значит перекося,
Стал бы бесконечно одиноким.
Отчего ж — да это не вопрос.**

**Мне джек-пот случайный ни к чему.
Бог с ним, с покером, да я и не умею...
Может быть, еще и потому
Что твоя улыбка мне нужнее.**

* * *

**У царя свободных только двое
Возле трона — шут и стихоплет.
Кто из них в лакеях, кто — в героях
Так сплелись, — сам черт не разберет.**

**Да и нет нужды разгородиться.
Твое царство — это целый свет.
Ты мне и служанка, и царица,
Я тебе — и клоун, и поэт.**

* * *

**Мой трамвай не уйдет из-под самого носа
Ты права, я, должно быть,
по жизни везучий
Вот и ветер о том доказательства носит,
Собирает в шуршащие желтые кучи.**

**Мне, конечно, везет, что на улице ветер
Задирает подол и морщинятся лужи.
Как удачно, что солнце
по-прежнему светит,
Повезло, что к тебе
я так не равнодушен.**

ЭПИТАФИЯ

**Ничего никому не отдам:
Ни богатым, ни добрым, ни нищим,
Ни прожорливым древним богам,
Ни в кубышку чужую, ни в пищу.**

**Никому ничего не ссужу -
Ни молитвой, ни клятвой суровой,
В сапоги положу по ножу -
В свое каждое тихое слово.**

* * *

**Не удручен и ничуть не растерян,
Смерть — это очень по-человечески.
Жизнью за жизнь платит каждое семя,
Глупо у Бога выпрашивать вечности.**

**Глупо цепляться за долгие годы
Биологического прозябания,
Если мгновенье горячки любовной
Сердцу милее, чем все мироздание.**

**Если все краски земные играют,
Только поскольку мы рядом и вместе.
Не существует ни ада, ни рая -
Тот и другой без тебя неуместны.**

ЛИТОБЪЕДИНЕНИЕ «ЛУКОМОРЬЕ»

Наталья Дубровская

Родилась и выросла в Москве. В Австралию приехала с семьей в 1992 году.

Всегда любила читать стихи. В институтские годы немного писала. После поездки в Москву в 2008 году появилась потребность выражать мысли и эмоции в стихотворной форме. Является членом дружества независимых авторов «Альфа», входящих в состав формальных и неформальных творческих объединений Москвы и Московской области. Имеются публикации в Москве и Австралии.

НЕВЕДЕНЬЕ

**Неведение, води меня туда,
Где за удачей следуют провалы,
Где яростный свет, где света слишком мало,
Туда, где радостью сменяется беда...**

**Неведение — движение вперед.
Планировать не хочется и скучно.
Знать наперед о жизни так докучно,
А в неизвестное заманчив поворот....**

**Неведение — романтиков удел.
Завидую их вечно юным взглядам,
Живу под пагубным влиянием яда
Нужд, мной надуманных,
и созданных проблем.**

**Неведение — пусть сбудется судьба!
Но нет, меня страшит чужая воля.
Расчётам предаю свой путь и долю,
С тоской в душе шагая сквозь года.**

* * *

**Ночь ушла, рассыпав звёзды,
По траве ковром росистым.
Встрепенулись птицы в гнёздах
Утром звонко-голосистым.**

**Солнца луч игриво-ласков,
Кружит он в цветной кадрили.
Вьются бабочки, как в сказке,
В блестящих ярких звёздной пыли.**

**Я спешу на этот праздник
Босиком, в рубахе белой.
Ветерок манит и дразнит
Запахом сирени спелой.**

**В лёгкой утренней прохладе
Воздух вольный густ, как масло.
Осознание отраднo:
В миг такой мне жизнь подвластна!**

ДВЕ И ЧЕТЫРЕ

**Шли по дорожке две и четыре,
Чинно, степенно шли, не спешили.
Шагом чуть шатко от лет искривлённые
Две и четыре, судьбою сплетённые.**

**Лапы собачьи: мохнатые, чёрные,
Ног раньше людских
постареть обречённые.**

**И ноги мужчины, познавшего горести,
И одиночества грубые вольности.**

**Брели компаньоны, души родные,
Друг другу поддержка, две и четыре.
Всюду вдвоём и так чем-то похожие,
Улыбкой встречали их всюду прохожие.**

**Каждое утро две и четыре
Шли на прогулку, шли не спешили
Маршрутом привычным в течение лет,
Сегодня ж не виден знакомый дуэт.**

**И опустевшей глядится дорожка....
И на душе от чего-то тревожно....**

Юлия Леонтьева

Родилась и училась в Одессе. По профессии музыкант. В 1990 году эмигрировала в Мельбурн. Автор афоризмов, рассказов и песен. Неоднократно публиковалась в различных австралийских изданиях. Участник и финалист многих литературных конкурсов. Получила специальный приз за «Краткость — сестра таланта». Выпущен сборник афоризмов «Приподнимаю вуаль», а также аудиобом с песнями «Такое дерево».

Афоризмы

- Нашупал правду. Она оказалась голлой и скользкой. Только и успел, что погладить.

- В опустошённой душе даже плевок не задержится.

- Подкатила старость, а обещанная мудрость застряла в тупике.

- В последнее время настроения нет, но есть что-то другое. Работает так же.

- Не выношу жлобства. Сам только в прошлом году избавился.

- Счастьем надо было бы поделиться, но жалко.

- Всем, кого я простила когда-то: не верьте мне, дурная была.

- На мне проехать, конечно, можно, но безопасность не гарантирую.

- Женщина завернулась в мужчину и погрузилась в своего ребёнка. Найдите женщину...

- Привилегии возможны только там, где не каждый уникален.

- Признак эмиграции: доказывать, что ты - это ты и даже лучше.

- Размер счастья зависит от ёмкости контейнера.

Три миниатюры

Мы все такие разные... что постоянно удивляемся друг другу. А больше нечему. Ведь всё остальное одинаковое: «как прекрасен этот мир» и точка. А вот если попробовать, как другая песня советует — «возьмёмся за руки друзья» и, чтобы уже не видеть друг друга и никогда больше никому не удивляться, а, главное, одними глазами на всё прекрасное.

* * *

Посидели после плотного обеда и под щёлканье семечек, повспоминали лучшие моменты в жизни, давно уже пёстро окрашенные воображением. Не тускнеет с годами опыт человеческий, а всё становится ярче и краше, чтобы в вечности выделяться.

* * *

Одиночество достало. Начал писать стихи. Получилось. Перечитывал их каждый день. Стало ещё хуже. Как будто ты не просто одинок, а перед тобой улики твоей же вины в этом. Не выдержал. Пришел в литературный клуб «Лукоморье». А там такое!.. И как-то стало легче.

Мария Пасика

Родилась в городе Харькове, закончила ХГУ, по образованию — математик, по натуре — мечтатель и любитель пофилософствовать. Работа над стихами — это увлечение и отдушина, а источник вдохновения и главное дело — любимая семья.

* * *

**Относили фартучки и ленточки,
Завели отвязанных дружков,
Те ещё тогда мы были деточки —
Шасть через забор — и был таков!**

**За забором заросли малины —
Кто до них добраться не дерзал!
Дуло с веток пухом тополиным
Шебутным налётчикам в глаза.**

**Как кусты цепляются жестоко,
Мы ещё не ведали тогда —
Щёки в пятнах, красные от сока —
От малины, а не от стыда.**

**А поодаль бабушки, и лавочки,
И подъезды — не видать ни зги.
Деточки выкручивали лампочки,
Дворник деткам вкручивал мозги.**

**Разлететься, спрятаться б, хоть где бы!
Юные орлицы и орлы
Зажигали лампочками небо,
Не страшась карающей метлы.**

СУДЬБА-ЛОШАДКА

**Эй, судьба-лошадка, ходу — покатай-ка!
Далеко-далече, что там, впереди...
К небу еду в шаткой шутке-тарантайке —
О попутных встречах сам суди-ряди!**

**Эй, гони на совесть с горки, напугай-ка,
Чтоб молиться Богу
с криком «Ох!» и «Ах!».
Застучит, рассорясь,
по рессорам галька,
Пыль, привстав с дороги,
скрипнет на зубах!**

**С перьями, мехами, пледом и пижамой
Праздному награда — грелка да кровать.
А меня, лихая, не жалеи, но жалуй,
Чтобы не в канаве век прокуковать.**

* * *

**Когда в ручейки превращались снега,
Мечтая о свежем сугробе,
В размокшей земле увязала нога,
Вообще-то, как правило, обе.**

**Пускай бы сказали: подъезд наш убог,
Подумала б — чистые бредни,
Я весело ноги скребла о скребок,
Чтоб грязь не оставить в передней.**

**Ещё не успела измазаться в грязь,
Я верила в дружбу до гроба,
Гудела и пела, по лестнице мчась,
О будущих белых сугробах!**

ОТЪЕЗД

**Воздушных замков,
так и быть, не строй
На месте тех, что строились годами.
Трамбуя чемоданное нутро,
К спине — спиной сидим на чемодане.**

**Припомню анекдот, а ты и рад
Кольнуть слегка иронией: «Не стар ли?»
Слабеющими струйками закат
Сочится сквозь лоскут белёсой марли.**

**Ещё чуть-чуть, очнутся фонари.
Фонтан, плаксивый нищий, ждёт монет.
Давай-ка, ни о чём не говорить!
Давай вот так сидеть спиной — к спине!**

Литобъединение «Лукоморье»

Александр Грозубинский

Харьков, потом Нижневартовск, Мельбурн, Австралия. В Австралии с 1992 года. По профессии программист. Печатался в различных Австралийских сборниках поэзии и в Интернет-журналах. В 2006 году был удостоен высшей награды международного поэтического турнира в Дюссельдорфе.

* * *

Я кажусь наивным и невинным.
Может быть и не кажусь, но просто
От меня осталась половина.
Это в смысле воли и упорства.

Улыбался век оскалом львиным,
Кобры рук моих касались нежно.
От меня осталась половина.
Это в смысле веры и надежды.

Это не снаружи, вам не видно
Рванный шрам. Меня не дожевали..
От меня осталась половина,
Худшая. Но все-таки живая.

* * *

Мне сказали: «Не пропадай.
Нас дела и заботы растащат.
Если будешь поблизости, дай
нам знать. Надо видетсь чаще».

Я почти уж собрался туда -
В невозвратные серые дали.
Но сказали: «Не пропадай».
Очень вовремя мне сказали.

* * *

Из-под ресниц-штор
Мигну идеалу некоему.
Жаловаться мне не на что,
А самое главное — некому.

Трудности с темами вечными
Литертурных вне схем.
Радоваться мне нечего,
А самое главное - не с кем.

С чем-то пришлось расстаться,
Вычлось,- осталась разность.
Это - не констатация,
Это - уже диагноз.

«caelum non animum mutant qui trans mare currunt»
(Горацій)

Это из личного опыта пусть
и доходит не сразу.
Это всегда и везде,
и для всех на любом берегу.
Кто-то из римлян придумал
красивую фразу:
«Небо, не душу, меняют те,
кто за море бегут»

Мне бы ценить, что нашел,
Успокоиться мне бы.
Мне бы решить, что совсем
не терял ничего.
Небо. Конечно, здесь очень красивое небо.
Ну а душа то у горла,
то в пятках, то просится вон.

И переменам то рада она, то не рада,
Как не стараюсь, я справиться
с ней не могу.
Как все красивое, это наверно правда.
«Небо, не душу, меняют те,
кто за море бегут».

МЕДИЦИНА

Талантливые умные врачи
Кого-то ухитрились излечить.

Они смогли здоровьем наградить
Клиента, что конкретно доходил.

Ему вернули радость бытия,
Его спасли. Но это был не я.

* * *

Не дочитав унылые страницы,
(Я что-то перед сном зубрил натужно)
Я молча попросил тебя присниться.
Я так хотел. Мне это было нужно.

Во сне не будет бед неизлечимых.
Во сне не будет обоюдной травли.
Во сне я разберусь. Найду причины.
Во сне я все пойму и все исправлю.

Сон крепкий, как Великая Держава.
Волшебный сон - целитель и убийца.
Во сне, как наяву, нас окружала
Толпа чужих и чуждых-не пробиться.

Фаина Зильп

В Мельбурне с 1997 г. В родном городе Винница закончила художественную школу. Начала писать стихи в 18 лет при подготовке к экзамену по психологии, обучаясь в педагогическом институте, где получила специальность "русский язык и литература". Преподавала дизайн и художественное оформление в выпускных классах средней школы. В Австралии освоила в университете профессию социального работника.

Печаталась в Мельбурнских изданиях: газете "Панорама", журнале "Менора" и в сборниках: "Встречи", "Под небом Австралии", "Со мною вот что происходит", "Друг другом мы окружены" и «Витражи».

ПЕВЕЦ МИРАЖЕЙ В ПУСТЫНЕ ЛЮБВИ

J.

Ты певец миражей,
но пустыня — меня — ожидает
Настоящей жарой,
жаждой счастья, что неумолима.
Так реальны колодцы! —
но воздух дрожит, обжигает —
И колеблется влага,
и вдруг исчезает долина.

Приближение вновь отдалит
иллюзорность сбыванья.
Ты песочные замки разрушишь,
как картонный домик.
А обещанный часто оазис
не ждёт узнаванье:
Даже если найду, о пути
к нему трудном — напомнит.

После слов золотых как же мне
продолжать жить — с простыми?
По сравненью с тобой любой
спутник пребудет лишь тенью...
Ты певец миражей.
Не заманишь опять ты в пустыню:
Об угрозе я знаю.
Но сколь притягательно пенье!..

* * *

Мгновением пронёсся час.
Жалею лишь, что нас не двое,
Хотя я счастлива сейчас,
Как не была уже давно я.

Причины видимой и нет:
Не чаще видимся, не выше...
Так померанцевый ответ
Деревья в плен берёт и крыши,

Слепит он окна, золотит
Порою с прозеленью меди;
Заходит солнце, но летит
Звонящий свет, пленяя ветви!

Сейчас не вместе мы, но мне
Почти не грустно почему-то:
Блаженство, словно на коне
Парим вдвоём, поправ разлуку,

Презрев условности, что нас
Ещё в границах жизни держат,
Туда несёт любви Пегас,
Где вдохновенье неизбежно.

Там безмятежность, не забыть
Хотя смертельного урока,
Где вечным чувство может быть,
Длиннее став земного срока.

* * *

М.П.

Уравновешен?! — Взбешена!
Разлуки рамками неволишь.
Предгрозовая тишина —
Моё молчание всего лишь!..

От своих бурь, сама устав,
Лишь утомить — тебя боюсь я:
Ведь ты, всю жизнь свою проспав,
Был мной влеком в тревоги устье.

Но разлита по скалам тишь —
Не ждёшь обвала, предвкушая...
По сердцу эхом пролетишь —
Обрушусь, горы оглашая!

Однако всё же не сорвусь:
Смирю тайфун, гром — обеззвучу, —
И только грустной покажусь...
Лишь — раздосадован. Измучен?!

* * *

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.
Марина Цветаева.

Ещё не время метать икру:
Пора — для бисера.
И слишком рано начать игру
В мессии миссию.

Но, зная цену свою уже,
Не рвусь к признанию:
Нужна ли слава моей душе,
Коль есть — призвание?

И существует благая весть —
Стихов дарение.
И я уже — навечно — есть
Без покорения.

А надо ль вовсе печатать то,
Чем жизнь наполнена, —
И выносить на суд при том
Что не исполнено...

Раскрыться так, как до того —
Ни перед кем ещё!
Чтоб знал любой, что мне дано,
Любой, — и дремлющий...

Начнёт страницы легко листать
С притворной скукою.
И что же делать — не будет знать —
С любви порукою...

Но, если так лишь считать и впредь,
Всё обрекаемо.
Тогда — навечно — ведь умереть
Могла Цветаева...

Инга Даугавиете

Родилась в Риге, 17 лет живу в Мельбурне.
Муж, двое сыновей, две собаки, два кролика.... две рыбки.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

J.

Итальянка? Испанка? Нет,
Претендентка — на русский престол,
На — славянский радушный стол,
На — беду российских побед..

Рысаком - крестьянских мастей,
По распутище.. Стой, холоп !
Перебором — струн и страстей,
Перезвоном — колоколов

И — колец... Всё — Россия ! Рать
Самозванцев... И — смех Марин...
Невозможно — немецкая статья
Коронованных Екатерин...

Вот — наследство! Что в глаз,
что в бровь...
Кровь Петра! Телега да плуг..
Всё закончилось — жизнь, любовь —
На полу затоптанном слуг

Сапогами. Мальчишки стон,
Латыши не хотят стрелять.
Под российским штыком — за трон —
Умирала царица-мать!

Иностранка — русских молитв,
Иноверка — русских крестов...
Лизавета, Эльжбета, Лиз —
Не связать по-русски трех слов —

Чужеземка... В россыпи слез
Имя — чье? влетается в сны?...
Умереть - тебе - довелось,
Не дождавшись русской весны

В каземате... Кто - в шахте, кто -
Под топор...под крики ворон...
Возжелавшие сей престол...
Трижды проклятый русский трон.

ЗИМНЕЕ

Что происходит?
Листья — лавиной - вниз,
Вверх — по спирали — витрины,
шпили, дома...

В этом городе денежных знаков и виз
Вновь наступает зима.

В этой стране, где день
на день не похож,
И лишь во сне станешь самим собой
Невероятно, чтобы зимою — дождь
Выстукивал дробь
по каменной

мостовой.
В этом городе, где всё —
сталь, стекло и гранит,
Где спуститься в метро —
всё равно, что сойти с ума,

Я свечу задуваю,
Мы снова с тобою одни.
Не веришь? Лицо запрокинув
к солнцу, взгляни
И поверь — в который раз —
наступила зима.

ДНИ

Дни рассыпались пылью,
Замер пунктир строки.
Думаешь, мы любили ?
Или — были близки ?

Всех земных расстояний
Метры, мили — считай !
Между нами — на грани,
До предела, за край

Мало! Весной, в Париже
Звёзды считать с моста.
Вверх по спирали — ближе
К Богу ?.. О, если б так.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

На дне твоих глаз
Свеча теплится
Свеча тонкая...
Спи, девица...

Вор — в остроге
Царь — в чертоге
А при дороге —
Скит...
Спи...

Там тела — сплелись,
А жизнь — сквозь пальцы
Как пепел, наземь.
Наутро — в петлю,
А под иконой
Свеча плавится...
Радуйся !...

На рассвете
Сам собой
Загорелся скит...
Не верится ?
Спи, девица,
Спи...

ЛАДОНИ

Холодных ладоней следы на
застывшем теле.
Арена небес раскрыта — реки,
Творец!
Слепец согрет дыханьем весны в
апреле.
Алеет рассвет. Над городом — смог —
венец.
Чужое смешенье нот и наречий
птичьих,
Ажурная вязь вульгарна безумных
снов.
Неистово беспощадна — до
обезличья —
Убогих ночей погоня. И дней . И —
слов.
Терзает твои глаза невозможность ночи
Единым — смотри — оставаться
смеженьем век..
Ночная рубашка ? Бессонная
оболочка.
Кометы измятый росчерк.
Апрельский снег.
Она. Одна. Стена — разметались руки.
Лицо — неясным оттиском. Пустота
Едина — слышишь? Линия губ и звуки
Рекой иссохшей застыли в овале рта.
Теней холодных опять отраженье в
лужах,
Стилет — навывлет проходит.
Навзрыд. Извне.
Еловая ветка бьет по окну снаружи.
ДомА. А дорога ладоней страшней —
вдвойне!
Голодных ладоней..на глади ..на
теле — льдине.

Литобъединение «Лукоморье»

РАССКАЗЫ ИЗ СТА СЛОВ

Людмила Рубан

Родилась в Хабаровске. Еще ребенком с родителями переехала в Молдавию.

Там закончила Музыкально-педагогический университет по классу фортепьяно. Работала в школе преподавателем музыки, руководила хором. Печаталась в прессе. В Австралии с 1994 года. Закончила Мельбурнский университет по специальности «Дополнительное воспитание», а затем Академию Гипноза с присвоением квалификации врач-психотерапевт, гипнотерапевт.

СУДЬБА

Она всегда выглядела изящно и элегантно, но от нее веяло холодом. Своим тонким и острым чутьем ей удавалось осуществить задуманное, любые ее желания исполнялись. Конечно, и внешность не подвела; тонкая, яркая, обворожительная. Ее очень любили и часто приглашали на различные «мероприятия». Общительная и неугомонная, она всегда была на виду. Масса поклонников стремилась получить ее благосклонность и возможность неотступно следовать за ней. Они были все настолько не похожи друг на друга как внешне, так и внутренне, что было удивительно, как их всех она могла подчинить своим желаниям и прихотям.

Но однажды случилось несчастье – она сломалась.

И хозяйка купила новую иглу.

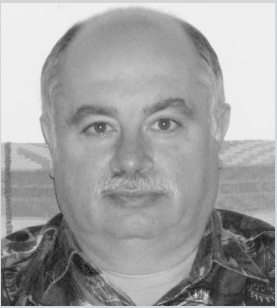
СЕСТРЫ

Они были сестрами, жили дружно, следовали друг за другом. Все у них шло «как по маслу». Но однажды масло закончилось, и тогда начались раздоры. Старшая сестра не хотела слушать объяснения молодой, которая стала бежать быстрее, и от этого ее тело вытягивалось, становясь все более стройным и длинным. Младшая сестра, в свою очередь, перестала обращать внимание на увещевание старшей и продолжала бежать в одиночестве по кругу, время от времени наталкиваясь на плетущуюся старшую сестру. С каждым днем их взаимодействия становились все более невыносимыми. В результате они оказались на свалке, потому что стрелки часов должны показывать точное время – время сейчас такое.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ДУША

Он был очень скрытным. Одиноким жил на самой окраине небольшого городка. Квартира его была очень темной, тяжелые занавески заслоняли его от внешнего мира. Он был совсем не стар, но вел себя, как старик. Иногда в нем просыпалось детское желание открыться, но он не мог, не позволяла этика, и он снова замыкался в себе.

Хранитель тайн, секретов, ему доверяли, и он этим очень гордился. Никто не мог знать, что творилось у него в душе, кроме его единственного друга. Он заходил к нему в гости, но крайне редко. А когда это случалось, душа сейфа открывалась, и тогда звучала чудесная музыка.

Владимир Топер

Родился в г. Ленинграде. После учебы в техникуме и службы в армии окончил Ленинградский институт авиационного приборостроения по специальности инженер-электрик. Работал сначала по специальности, а потом на административных должностях на различных предприятиях города. В 1996 г. эмигрировал в Австралию. Стихи печатались в различных периодических изданиях и литературных сборниках.

«ТАК – СЯК»

Жили-были «Так» и «Сяк». Не разлей вода, никак. Лидер «Так», во всем, везде, плелся «Сяк» всегда в хвосте. Если спросят «Где?» и «Как?», им ответят: «Так и Сяк». Так и жили, не тужили, и везде вдвоем ходили, потому, что тут и там в разговорах: там и сям! Братья выросли почти, стали сорваться они. И теперь веселый «Так» стал дружить со словом «Как». Вот остался «Сяк» один. Стал он злым и нелюдим. Никому не нужен он, если «Така» нет при нем. Стал он думать и гадать, как же людям помогать? И придумал он тогда, стал он «ВСЯК ом» навсегда!

РАСЧЕСКА

Она выглядела довольно изящно, но не современно. За свою долгую жизнь она близко познакомилась со многими клиентами салона причесок. А сколько, вместе с Антон Петровичем, она смогла сделать красивыми и уверенными в себе людьми! Но однажды произошло несчастье, клиентка попалась нервная и всем недовольная, словом - агрессивная. В результате она лишилась нескольких зубов, и Антону Петровичу пришлось отказаться от ее помощи. Шли годы, мастер состарился, и ему пришлось оставить свою профессию. С сожалением он продал свой салон причесок вместе со всем его содержимым. Новый владелец, однажды наткнувшись на нее, сразу поспешил избавиться. Для него она была лишь сломанной расческой.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТАМОРФОЗА

Вначале это было деревянное приспособление, по которому ударяли с силой, чтобы извести соплеменников о грозящей опасности, будь-то, пожар, наводнение или приближение врагов.

Несколько позже оно было заменено на кусок железа, по которому били другим меньшим куском железа с той же целью. Звук при этом был намного громче и разносился на более далекие расстояния.

Форма металлического изделия, с целью улучшения звуковых характеристик, менялась и совершенствовалась, пока не превратилась в колокол.

Довершил эти преобразования человек, англичанин, носящий фамилию «Колокол» по-английски – «Белл». Он изобрел устройство под названием телефон, который дал возможность людям общаться и передавать информацию на любые расстояния.

«РЫБА»

Петр шел домой. Начальник поручил ему составить договор с новым клиентом. Раньше это входило в обязанности Николая. Петр не представлял, с чего начать, а обращаться за разъяснениями к начальству не хотелось. Подходя к своему дому, он остановился у стола, за которым соседи играли в домино. Тут один игрок сказал: «Смотри, рыба!» - и показал на Сергея, возвращавшегося с рыбалки. «Рыба!» - ударив по столу костяшкой домино, произнес другой игрок. «Правильно, Рыба!» -, пронеслось в голове Петра, и он побежал домой в надежде отыскать в интернете «Рыбину» для составления договора. Вроде одно слово, а для каждого оно имело совершенно другое значение.

Христина Панджаридис

Родилась в г. Елин Пелин. Закончила факультет журналистики и СМИ Софийского университета им «Св. Климента Охридского». Работала редактором в муниципальной газете. Издавала частный еженедельник для муниципалитетов г. Елин Пелин и Горна Малина. Сотрудничала со многими изданиями в качестве журналиста. Пишет хайку и рассказы. Получила Приз за рассказ на тему «Кризис» в конкурсе «Каунь 2010 Хасково» – за второе место. В июле 2011 издательстве «Сиела» опубликовала роман «Ярость», написанный в соавторстве. Живет во Франции. Член СОЮЗА БЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

БОГАТЫЙ АМЕРИКАНЕЦ ИЩЕТ (сиделку)

После двадцатитрехлетней разлуки родной воздух показался каким-то особенным. Он приносил с собой запахи липы и мягкость свежескошенного клевера. Вот она и дома, а всё остальное уже позади.

Она почувствовала усталость от много-часового перелета. Десять или одиннадцать часов, и всё время над океаном! За горами не видно никакого Чикаго. Боже мой, как далеко меня занесло! А для чего? Для того, чтобы помогать детям, чтобы они ни в чем не нуждались. Десять лет рядом с дочерью. Подняла на ноги маленького Сильвестра, утирала дочери слезы после её развода, пила шампанское на свадьбе с новым мужем американцем, потом снова пеленки и памперсы. А вот уже и второй внук подросток.

Парень едва понимает пятьдесят болгарских слов, а она и этому рада. Пела ему песни, куплеты которых еще сохранялись в сердце. Горькая жизнь, видимо, хотела перемолоть её, как старая мельничка молола в свое время черный перец, или память вдруг стала нашептывать ей, что пришло время памяти и забвения. Но теперь уже всё равно. Она сильнее, чем это поётся в песне. Она сама решает, когда поставить точку. После неё останется малыш, который умеет смешно произносить некоторые болгарские слова. И в его крови лаборанты, наверное, смогут найти несколько капель болгарской кровушки. Как бы ей хотелось научить его и писать на бабушкином языке. Но она поругалась с дочерью.

Как может так быть: ребенок, выношенный под сердцем у матери, так и не научился, не перенял чувство благодарности к ней. Бесконечные жалобы и недовольство. Стремление командовать и, если нет поблизости того, кого можно подчинить, отыгрывается на матери..

Зять без конца надирался пивом, его акции на бирже упали, нервы не выдерживали, и из комнаты летели бутылки в разные стороны: американская идилия осталась в прошлом. Молодая жена, артистка по духу и профессии, не плакала, а вымещала свой стресс страшными криками на матери. Балканское терпение вошло в пословицу, но перегруженная телега опрокинулась, и женщина, обняв внуков, ушла от дочери.

Плохой английский язык открыл ей только одну возможность - заботиться о престарелых. В основном это были старушки. Некоторые умирали буквально через месяц - два. Другие ей сочувствовали, догадываясь, как трудно найти стоящую работу в незнакомой стране женщине в пятьдесят лет, и не смотря ни на что, – жили. Как кактусы, которые стоят, претерпевая житейскую засуху, и живут долго, хоть старость и тяжела.

Последней старушке было девяносто три года. Бывшая профессор, изобретатель. Оставила дом для каждого из своих пятерых детей. А сейчас жила одиноко с болгаркой. А болгарка готовила ей, точнее превращала еду в соус и капала ей в рот пипеткой. Жалела её. И, как говорила медсестра, которая приходила каждую неделю, если бы не её забота, давно бы уже старушка переместилась в урну с прахом на подготовленное место. Бабушка приходила в сознание, но грезила наяву. Путала её с умершей сестрой, с дочерью. Дом также умирал, пережив многое за свою долгую жизнь. Отовсюду шел запах тлена, крыша на втором этаже протекала. Она дважды видела мышей, которые приходят обычно, когда в доме нет людей. Забвение приближалось, но всё-таки ей казалось, что еще рано.

Март вторгся в сад и изменил пейзаж. Свежий весенний ветер принес надежды. Женщина мечтала, что они доживут до весны. Бабушка затихла неожиданно. Весь день она рассказывала о своих студентах, называла их по именам. Говорила о том, как сильно она любила мужа и, как каждый из её трех сы-

новой всё больше походил на отца. Болгарка приготовила ей морковный сок, и бабушка улыбнулась от удовольствия. Повернула голову вправо и сказала, что хочет поспать. И на самом деле заснула. Навсегда.

Женщина почувствовала себя одинокой. Несмотря на то, что в доме было десять комнат и еще балкон, на котором так хорошо было смотреть на черешневый сад. Появились мыши, которые как будто почувствовали её страх смерти. Она позвонила по телефону старшей дочери. Та приехала через несколько часов. Заплатила ей до конца месяца. Мать была благодарна ей за это, но внутренние часы уже отсчитывали последние минуты на чужбине.

Как чувствуются годы! Так болят ноги, ты кормила бабушку, но тебя никто не покормит. Ты похудела. Желудок не принимает обычной еды. Ты меняешь врачей, но не всегда и до врача можешь дойти. Без машины в Америке ты – как инопланетянин. Ешь сухарики и чай. Как жаждущий путник в пустыне хочет напиться, так и ей хотелось вернуться на родину и вдохнуть полной грудью родной воздух. Начала себя ограничивать, чтобы собрать денег. Делала вид, что ей всё нипочем! Глотала усталость, как таблетки от язвы.

...Сын ждал её в аэропорту.. Мама приезжает с долларами! Может, ей показалось, что это было как будто эхо, исходящее от снохи, или она просто потеряла чувство юмора на своих бесконечных лестницах судьбы. Вечером они сели за богатый стол, и сын как бы в шутку стал расспрашивать её, почему она не получила водительское удостоверение, почему не купила машину...

- Да когда же, миленький мой! Если бы ты только знал, что это такое - смотреть за престарелыми!

- Он-то не знает, но я... – втерлась неожиданно сноха.

- Перестань, дорогая! Мы все знаем, какие квартиры ты получила таким путем. Но твой адвокат заставил меня подписать бумаги, что всё это приобретено до нашего брака!

- Да, миленький, богатую невесту ты получил! Но тебе и этого мало!

- Мамочка, а ты разве не нашла какого-нибудь богатого американца!

Богатый американец? Его вопрос заставил её посмотреть на него повнимательней: неужели это её сын? Ухмыляется, раздобыл, оттрастил усы, но какой-то чужой.

Последний мужчина, о котором она заботилась, был богат. Но не умом, а своим глубоким возрастом. Никогда бы она этого не хотела – брак по расчету. Сын, как видно, неплохо устроился. Но смотрел на неё странным взглядом, полным какого-то ожидания, который она не хотела бы разгадывать.

- Неужели ты не рад, что я здесь, и что всегда буду помогать тебе? Мне не по себе, и если ты будешь продолжать меня раздражать, то не получишь обещанного спального гарнитура и новой мебели для холла.

- Ну, вот видишь, моя дорогая! Мама не в своем уме! Она забыла, что всё здесь принадлежит нам! Напомни, пожалуйста, что дома престарелых не предполагают персональной сиделки.

Пощечина не помогла закрыть бесстыжие уста. Её опора, утеха, надежда глупо ухмылялся. Мать встала и ушла в спальню. Легла и стала думать. И решила: поеду-ка я полечиться на минеральные воды. Побуду там месяц, два. Я приду в себя, верну здоровье и тогда уж хлопну дверью. Даже и в пятьдесят семь можно уйти от неблагодарного сына и снова сесть на самолет!

Как там выглядел этот богатый американец?

И вообще, разве совсем закончились эти американцы?

Перевод с болгарского - Галины КИРИЛЛОВОЙ.

Сергей Главацкий

Родился в 1983 г. в Одессе. Поэт, драматург, музыкант. Председатель Южнорусского Союза писателей, Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, Одесской областной организации Межрегионального Союза писателей Украины. Член руководства Конгресса литераторов Украины. Главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис» (2002-2011), выпускающий редактор литературно-художественного журнала «Южное Сияние», составитель ряда литературных изданий. Произведения опубликованы в антологии «Украина. Русская поэзия. XX век» (2008, Киев), Одесской антологии поэзии «Кайнозойские Сумерки» (2008), Одесской литературной антологии «Солнечное Сплетение» (2010) в альманахах «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (Москва), «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса), «Каштановый дом» (Киев), «ЛитЭра» (Симферополь), журналы «Ренессанс» (Киев), «Российский колокол» (2008), «Дон» (2010), «Южная Звезда» (2010), «Октябрь» (2010), «Новая реальность» (2011), «День и Ночь» (2011) и др. Автор книги стихотворений «Неоновые Пожары» (2006) и книги драматургии «Апокалипсис Улыбки Джоконды» (2008, в соавторстве с Евгенией Красновой).

EX TEMPERI*

1.

Как же так?.. Вот Сейчас,
когда наши дыханья,
пульс один на двоих обретая, юлят,
когда судьбы всех наших ручных ангелят
цепенеют в один сталагмит ожидания,
когда солнце сплетает нас
в косу крещения,
а медузы влетают нас в судеб теченья?..
Почему наша Родина, наша страна
вот сейчас растворяется, как пелена?

Как же так?.. Почему вот сейчас,
в это время,
после тысяч и тысяч немислимых лет,
Богом будучи в прошлом,
но — сдав свой билет,
Она ходит на цыпочках, робко, за теми,
кто Её продавал, предавал и калечил,
не жалел на Неё ни солдат, ни картечи?
Почему без сознания, в шакалей глуши
и под лунным затмением добита, лежит?..

2.

Наша Родина, наша страна, мы с Тобою.
Мы с Тобою — одно, и народ Твой — един.
Почему вот сейчас над Тобою — Эдип
многоглавый склонился
заплечным конвоем,
почему обращаешься в груды лохмотьев,
за которой — червями хрустит безнародье,
за которой не будет ни нас, ни Тебя,
где, увь, даже воспоминания — спят?

Как же так? Вот сейчас,
когда мы стали целым,
когда мы лишь узнали друг друга, когда
стали нашей мечтою — Твои города,
а пространство святое Твоё —
нашим телом,

Ты крошишься, как мел,
как труха, как — пигмеи,
не очнувшись, в сознание прийти не умея,
и уходишь на дно, в непроглядную тьму,
хороня Цель Вселенной... Зачем? Почему?

* не вовремя

СВЯЗЬ

Ты так далеко! Там — рождаются боги,
Здесь — падают звёзды в кювет, догорая.
Люби меня, милая, Так, как немногих.
Пиши мне, родная, как будто из рая.

Река не обманет, сродни акведуку,
Но берег морской увильнёт, не допустит
Держать твои письма в руке, будто руку,
И эхо моё возвратит в твоё устье...

Зеркальные струны воды указуют
На тихие омуты — словно лекарства.

Ты в письмах моё воскрешенье рисуешь,
Но почта погибла давно в этих царствах.

Путь вечен. Круг замкнут.
Но нам не покинуть,
Увы, даже ложных границ Полукруга.
Ты пишешь мне письма,
как будто картины,
Но мы не услышим, родная, друг друга.

Напалмом из крови залит,
мир стал мудрым.
Я умер под тяжестью энной предтечи.
Ты пишешь мне, милая, каждое утро,
Но я не отвечу тебе, не отвечу.

УГРОБЛЕНО ПОД ЗАМКАД

Генофонд, геноцид, геномор, геноцирк...
Золотые тельцы нас берут под уздцы.
Кто был ночью убит, тот сто лет уже спит.
За Садовым кольцом обретается спирт,
Под Садовым кольцом пьют
коллекторы СПИД,
И за крепкое здоровье пьёт инвалид,
И скорбят по нам — Киев,
Одесса и Минск...
Поминать уже некого — чёрный помин.

Мы — обрубки без ног, мы —
культипки без рук,
(Деятнадцатый год в наших генах —
хоругвь),
Ходим в чёрном — сто лет
и не знаем, что так —
Поминаем царя, что мы всё ещё — там,
И морально мы — трупы — уже —
навсегда
(С девяностых душа наша стынет во льдах),
И нам снится, что вместо царя мы лежим
На постели его, что — постельный режим.

Это княжество катится в тартарары —
В состояние искусственной чёрной икры,
И никто никогда не поможет ему,
И на нём — нефтяной чёрной метки хомут,
И славяне ему, будто валенки, жмут,
Все замкадыши молча шагают в тюрьму,
Под замкад, под замок,
под кладбищ телеса...
Улетайте, славяне, в свои небеса!

КОРАБЕЛЬНАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Здесь такая луна! Здесь такой снегопад,
Что становится он камертоном — навеки!
Ему бить теперь в наш
беспробудный набат,
Заточив обертоны о лезвие неги.
Здесь такое величие снежной орды,
Неуёмный отёк всестороннего снега,
Что пора нам следить за игрой немоты,
За космической властью
замёрзших молекул!

Здесь такой снегопад, что случайно забыл
Сделать выдох зеркального горна игумен,
Что заслушаться можно молчаньем судьбы,
А потом не услышать
божественный зуммер!
Здесь такая твоя, колыбельная тишь,
Что потом и не вспомним,
что мы — в божьем трюме,
И пора нам выглядывать — где ты стоишь,
Как ты там, Мир, который
давно для нас умер.

ПО КРОВАВОМУ СЛЕДУ

Надо пойти направо,
Надо пойти налево —
Где-нибудь да погибнешь,
Где-нибудь да воскреснешь.

Нынче такие нравы,
Нынче такие девы,

Где-нибудь просто всхлипнешь,
Где-то хлебнёшь болезней.

В колких рассветных травах,
Или под кроной древа
Будет судеб распутие —
Камень, конца предвестник.

То ль против кровотока,
То ли идти на запах —
Нынче такие судьи,
Нынче такие яды.

Всё испытать, потрогать
Надо нам — от столпых
Бомбоубежищ Сада
Вплоть до святилищ ада...

Надо шагнуть к востоку,
Надо шагнуть на запад —
Пробовать всё нам надо,
Где-нибудь есть награда...

Ирина Василенко

Родилась в 1957 г. в Санкт-Петербурге, живёт под Одессой. Поэт, руководитель литературно-художественного общественного проекта «Территория Ы». Член ЮРСП. Член редколлегии литературного портала «Графоманов. NET!». Победитель и призёр нескольких сетевых конкурсов, проведённых на сайтах «Стихи.ру» и «Графоманов. NET!». Лауреат III международного литературного фестиваля «Славянские традиции – 2011» (АР Крым, номинация «Любовная лирика»). Произведения опубликованы в Одесской литературной антологии «Солнечное Сплетение» (2010), в журнале «Южное Сияние» (2011), литературно-художественных сборниках «Территория Ы» (Одесса), «Открывая имена» (Одесса), «Пространство слова.od.ua» (2010), в ряде интернет-журналов и др. Автор книги стихов «Кофейные зёрна» (2008).

* * *

мир ловил их, но не поймал...

Она — дитя полусонных улиц,
старинных книжек и резких фраз.
Упрямо любит ночное небо — и года
два, как не любит джаз.
Забыты догмы, близки созвездья,
далёк от нормы её уют.
Пусть где-то слева осталась рана —
но то пустое, её зашьют.

Он глушит водкой тоску. Усталость
бездомной кошкой скребётся в дом.
Когда-то мир он ловил в капканы,
швырял под ноги, вязал узлом.
Теперь вокруг карнавальным
праздник, но это рю — чужой банкет.
И к цифре «сорок» несёт машина — к
звезде? к оврагу? к себе? в кювет?..

Что будет завтра?.. Пока неважно.
Дыши спокойно, не плачь, молчи.
La dolce vita полна сюрпризов, пока
горит фитилёк свечи...

... С усмешкой смотрит их южный
город, как ей в ладони летят слова.
Послушай, солнце, пора привыкнуть,
что жизнь обычна, а смерть черства.

СГОРЯЧА

Ты сама себе придумывала крылья
И прикидывалась птицей Метерлинка,
Разлетались все мечты дорожной пылью,
Разрывалась жизни ткань, как паутинка.

Этот город обещал в ладони — звёзды,
А швырял под ноги битые надежды,
Были строгими предъявленные счёты,
И в чулане тлели бальные одежды.

Слышишь, фея опьянявших переулков,
Как колотится зима в районе сердца?
Опустела враз любимая шкатулка,
Где ты складывала счастье так усердно.

И рассказами про коста дель аморе
Прекращай, душа,
терзать свой тихий терем.
Посмотри: ведь в этом тёмном коридоре
Каждый встречный обернётся
цепким зверем.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ЛЕТА

Всё не ложатся строки в такт,
всё не кончается суббота,
сама с собой заключишь пакт
о том, что твой конёк — свобода,
и будет горе — не беда
(а только горькое лекарство),
всё — трин-трава. Белиберда,
а у тебя — сирени царство,
а у тебя растёт жасмин,
и в голове гуляет ветер,
и рыжест — лучший витамин,
когда вокруг всё в чёрном свете.

К себе прислушайся: жива?
Пусть всё вокруг летит, искрится!
...Под каблучком хрустят слова,
и лето в дверь уже стучится...

АЛИСЕ. Искусство перевёртышей

Улыбайся, читай Вознесенского - вслух,
Вспоминай до озноба
про питерский ветер,
Заглуши этот в сердце неистовый стук,
Поменяй все местами — легко,
на рассвете.

Преврати в смех внезапно
пришедшую боль,
Измени, как трагедию в фарс,
без оглядки.
Позолоту иллюзий бесстрашно уволь,
Из стихов и из жизни
все выбрось закладки.

Вдох не в такт? жизнь не в слог?
Не беда, не хандри.
Перемелется всё, потеплеет когда-то...
Утечёт, как песок,
как сквозь пальцы вода,
Эта скверная боль, что в ладони зажата.

Попытайся хранить и беречь, и любить,
И, стирая прошедшего швы и помарки,
Научиться попробуй читать и ценить
Между сказанных слов —
золотые ремарки...

* * *

Петербургское время в ладони
осыпалось медью,
Жёлтым цветом листы,
ароматом вчерашних потерь.
Нас окутала осень разлуки
незримую сетью,
Нам открыла она
в не-любовь уходящую дверь.

Мы упрямо в себе убивали
способность к дыханью,
и меж реплик заглавных героев,
иуд и шутов
Затерялись в словах,
растворились — и по умолчанью
Превратили свой мир
в зазеркалье без бурь и штормов.

Мы другие?!.. Нам хочется
свежего воздуха, света,
Нам по крышам гулять
и с звездой легко флиртовать!..
Ведь над нами — смеётся ли?
плачет? — над Питером небо,
Повторяя, как мантру:
лишь любящий — может дышать.

Юлия Мельник

Родилась в 1975 г. в Одессе. Поэт, прозаик. Член ЮРСП. Произведения опубликованы в Публикации: Одесской антологии поэзии «Кайнозойские Сумерки» (2008), Одесской литературной антологии «Солнечное Сплетение» (2010), в альманахах «Меценат и Мир. Одесские страницы» (2005, Москва), «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса), «ОМК» (Одесса), журналах «Октябрь» (2005), «Дон» (2010), «Южное Сияние» (2011), интернет-журналах «Аврополис», «Гостиная», «Ликбез», «Пролог», «Великороссь» и др. Автор сборников стихотворений «Звонкие акварели» (2000), «Ангел с саксофоном» (2004).

* * *

Звезда, укутанная в синий мех
Ночного неба, шурится полночно,
Ей кажется — всё на Земле непрочно...
Но вдруг, упав в себя,
как зёрна в почву,
Задышит морем спящий человек...

Он станет сразу - лодкой и веслом,
Морским ежом и раковиной гулкой,
Заснеженным забытым переулком,
Щеглом, письмом, поющею шкатулкой,
Проходим, что в потёмках ищет дом...

И будет литься с неба вещий свет,
Подсказывая, где свернуть,
где вспомнить
То шум волны, то яблоками полный
Осенний сад, что проникает в полночь,
Цедя сквозь ветки лунный силуэт.

* * *

Глубиной тишины поверяй
все слова и объятья,
Сколько летних миров бессловесно
осело на платье...
Шелуха и пыльца,
муравьиные лапки, ворсинки,
И пытаются что-то
связать-досказать паутинки...

Не доказывай им ничего,
пусть летит, как захочет,
Каждый блик, каждый вздох
пусть по горлу травинкой щекочет
И раскатом далекой грозы,
и слезою нектати...
Погляди, как летят...
Не зови их к уму и расплате...

Им видней, им слышней...
И тебя вслед за ними уносит
В пучеглазый стрекозый полет,
в светлогривую просинь...
Что найдешь, то найдешь...
А ненужное — ветер просеет...
А неловко взлетишь — притяженье
Земли, как спасенье...

* * *

Жизнь начинается как дождь —
Прозрачно, незамысловато...
А после и не разберёшь
Двух слов под гулким водопадом.

И закружит юлою путь —
Стремительный, витиеватый,
Чтобы в конце концов толкнуть
К той самой первой лёгкой капле.

* * *

Все то, что под небесами
Зовется добром и злом,
Сверяем мы с теми часами,
Что тикают под ребром.
Нам бубны бьют за горами,
Нам пики колют глаза,
И всех наших будней раны

Мы видим, прикрыв глаза.
И все же, когда стихает
Раскат суеты дневной,
Нас тихий стук окликает,
Зовет вернуться домой.
Простить ледяную выюгу,
Что в окна сыплет крупной,
И в полночь шагнуть — по кругу,
За стрелкою часовой.

* * *

Орех уже в коричневых заплатах,
И горлица — на ветке сучковатой —
Зовет по-птичьи друга своего...
Он прилетит — и горлица воскреснет,
И станет пряным яблоком воскресный
Сентябрьский день, и больше ничего
Не помешает — говорить на ветках
Двум нежным птицам
с грустным человеком,
В котором бродит,
как бездельник, чай...
Он сизых горлиц осыпает хлебом,
Как будто это приближает к небу,
Как будто небо — можно приручать...

* * *

Никто не видит, как растут деревья,
Меняясь с каждым годовым кольцом...
Как их пьянит земное притяженье,
Какие ветры дышат им в лицо...
Они в себе таят свои секреты.
Не разболтать сорокам и грачам,
Как прорастают в них зима и лето,
Листву сменяют радость и печаль...
Они живут под толстыми плащами,
Их ни спугнуть, ни ранить, ни задеть...
Но как хрупка под снегом и дождями,
Заброшенная в небо веток сеть...

* * *

Выпасть из времени...
Видишь, у этого мига,
Словно в руках у ребенка —
раскрытая книга...
Буквы еще неизвестны,
движение краски
Там, за окном, и движенье
души без подсказки...

Выпасть из улицы этой,
из этих прохожих,
Встретиться взглядом с летящим,
другим, непохожим,
В нем задержаться мгновение,
сбиться со счета,
Ткнуться усталой пчелою
в забытые соты...

Выпасть из скрежета,
грохота, выпадем вместе...
Если успеем, и если захочешь, и если
Веских причин не найдется,
и все обойдется,
И в наказание по спинам метлой
не пройдет

Дворник сердитый,
все звезды сдувающий с крыши,
Выпадет в это неведение,
выпадем, слышишь...

АНГЕЛ С САКСОФОНОМ

Я в кафе, где ангел с саксофоном
плеск приборя проливает в чашки...
Крыльев и бровей изгиб солёный,
взгляд же удивительно домашний...
Все другие с трубами, а этот
там, на небе, видно, меланхолик.
Он скрипит протёртым табуретом,
палубой раскачивает столик.
А над чашками взлетают чайки...
Научиться бы гадать на кофе...
Не меня ли ты хранишь случайно,
так по-детски изгибая брови?
Запредельным заливая шумом,
хрипловатым светом обжигая
сердце... То ли Моцарт, то ли Шуберт,
то ли просто волны набегают...
Кто-то на обычную пластинку
после эту музыку запишет,
мы же выйдем из кафе в обнимку,
ничего не видя и не слыша...

Небо в алмазах (Письмо к Чехову)

Здравствуйте, любезный Антон Павлович!
Если бы Вы только знали, как много я думаю о Вас, как часто хочу поговорить с Вами по душам. О чем? Да все о том же — зачем живем, зачем страдаем? Где оно, наше долгожданное «небо в алмазах»? Когда сподобимся дожить и увидеть? Ведь Вы обещали, не отпирайтесь. И многие, знаете ли, Ваше обещание поняли буквально и ждут, и ищут теперь — конкретное небо с конкретными алмазами, которые можно взвесить, пощупать, попробовать на зуб. Да-да, не какое-то там метафизическое, идеальное, к которому надо идти долго и трудно, неся свой крест и веруя и по капле выдавливая из себя раба. Какое там! Сегодня эта лирика устарела до неприличия и обесценилась за ненадобностью. Сегодня извольте подать «истинные ценности» — вполне зримые и реальные, являющиеся неперенным показателем достатка и статуса их владельца.

Вам, дорогой доктор, и в страшном сне не приснилось бы это прожорливое, пухнувшее, как на дрожжах, чудище, именуемое «обществом потребления». И ведь уже не в какой-то там сытой Европе пухнет — в родной России, которую нынче даже как-то неловко по старинке называть «Святой Русью». Редко и невнятно отзывается она на прежнее свое, на вечное свое имя в наши дни, когда, кажется, и сама святость стала не более, чем модным поверьем, частью «позитивного имиджа» новой России. Впрочем, Вы все предвидели, Вы предупреждали нас об опасности поклонения материальным идолам. Но Ваш голос был слишком интеллигентен, слишком деликатен для нашего грубого слуха, а мы слишком хотели брать и иметь, чтобы слышать хоть что-нибудь, кроме своей ненасытной алчности.

Итак, мы получили по заслугам. Последний ивиный сад вырублен под корень, и, похоже, плакать о нем уже некому, да и некогда. Водоворот новой, вывернутой наизнанку капиталистической жизни захлестнул не только инфантильных мечтателей и наивных чудачков, вроде Раневской и Гаева, но и таких матерых воротил, как Лопухин. Как Ваш Лопухин, милый Антон Павлович, ибо современные лопухины Вашему ну никак не чета. Они-то уже не колеблются, не терзаются такими пустяками, как порядочность, совесть, сострадание. На вопрос — рубить или не рубить, церемониться с нами или нет — ответило само время, их время. Ответило однозначно и безжалостно. И не то ведь страшно, что каждая пядь пространства на глазах превращается в место вложения и отмывания условных единиц, а то, что по мере такого превращения это пространство становится непригодным для жизни. Для жизни полноценной, человеческой, в которой стремление к совершенству истинно, а не подменено оголтелой гонкой за глянцевыми стандартами.

Следствия этой подмены не заставляют себя ждать. Вот, к примеру, модная телеведущая и ее гламурная аудитория небрежно осуждают Ваших трех сестер, как своих незадачливых подруг по тусовке. Ну, зачем, в самом деле, живут и страдают, если в результате все равно не устроены и несчастливы? Никакой тебе практической пользы от этих страданий, никакого в итоге «позитива». Ничемные, в общем, барышни. Наивные, беспомощные, рефлексирующие по каждому поводу. Интеллигентки, одним словом. Да и пьеса-то сама для чего написана, с какой целью? Если не «бабла срубить», не отхватить какого-нибудь «Букера», или на худой конец «Анти-Букера», то зачем тогда?

А затем, что Художник, тайна которого есть велика и приземленным умишком современных толкователей не постижима. Затем, что художественный образ — это не сосед, не знакомый и не герой сериала. Это — портрет эпохи и диагноз поколения. И еще — духовный посыл каждому из нас, когда бы мы ни жили и как бы, казалось, ни были далеки от тех времен и событий.

Да, бессмысленное и неблагодарное это дело — толковать о великом в рамках нынешнего, улощенного и упрощенного до невозможности формата. Увы, формата не только телевизионного, но и всей современной реальности, имя которой — воинствующий примитив. Крутая в будничной суете, мы даже не подозреваем, какой опасности подвержены уже только оттого, что волей-неволей вписаны в эту реальность. Ведь стоит только дать слабину и поддаться ее бесстыдному, безжалостному лекалам — и не успеешь оглянуться, как все, что есть в тебе доброго и разумного, вмиг опустится, сузится, неизбежно сведется к вульгарному тусовочному трепу.

Да не об этом ли все Ваше творчество, бесценный Антон Павлович? Не об извечном ли и неминуемом столкновении человека со средой — всеильной, засасывающей, искажающей его божественный облик? И не потому ли Вы, уже будучи больным и о своей болезни зная, отправились на холодный каторжный Сахалин, чтобы избежать того «ожирения сердца», которое делает нас рыхлыми и податли-

Ирина Дубровская

Поэтесса, член Южнорусского СП и Союза писателей России. Родилась в Одессе, закончила ОГУ, филологический факультет. Первый сборник стихотворений «Под знаком стихии» вышел в свет в 1992 в издательстве «Постскриптум». В 1996 появился второй сборник «Страна души» («Астропринт», Одесса), а через год был опубликован третий сборник «Круги жизни» («Оптимум», Одесса, 1997). В 1997 году принята в Союз писателей России. Последующие сборники: «Песни Конца и Начала» («Оптимум», 2000), «Постигая любовь» («Оптимум», 2002), «Преображение» («Принт Мастер», Одесса, 2004), «Право голоса» («Принт Мастер», 2006) и «День за днем» («Принт Мастер», 2009).

выми обывателями, не способными совершать выбор и следовать своим путем, через тернии и «узкие врата»?

Зато мы способны без тени сомнения и всякого там старомодного самоедства вершить свой меркантильный потребительский суд, беспардонно разделяя Божий дар, как яичницу на сковороде. Как уверенно, как деловито мы оцениваем вечные категории по своей скудной утилитарной шкале! Воистину, не ведаем степени своего убожества. А ведь перед нами — наш собственный портрет. Не беда, что он написан более ста лет назад. Все живо, все узнаваемо. Нам бы приглядеться, задуматься. Но некогда — мы очень спешим. За успехом, за вечной молодостью, за полной и окончательной победой «позитива» на всех фронтах. Спешим, на ходу подгоняя себя под требуемые мерки, избавляясь от всего неудобного, болезненного, сбивающего с победного пути и не зная, а точнее, не желая знать, что это путь в никуда.

Как же нужны Вы нам сегодня, мудрый, великодушный доктор Чехов, непревзойденный диагност и утешитель душ человеческих! Сколько недугов-то накопилось за время Вашего отсутствия! Ненависть, алчность, бесстыдство и вседозволенность, очевидное преобладание зверя над человеком. И это ведь только малая часть, крошечная верхушка того огромного, неповоротливого айсберга, который трудно, почти невозможно заставить плыть в направлении истины и добра. Может быть, только Вам это и под силу. Потому что Вы не оправдываете и не осуждаете нас, не ставите оценок и не выводите безупречных образов. Вы, похоже, совсем не любите нас. Так, по крайней мере, твердит обывательское сознание, всегда ищущее послаблений своей низости и мелкости. Да и за что нас любить, мелких и низких? И главное, как любить, если видишь насквозь, подобно рентгеновскому аппарату? Но сознание человеческое настойчиво подсказывает, что Вы, как раз Вы-то и любите нас, как истинный врач любит своих больных — без иллюзий и сентиментальных заигрываний, но день за днем отдавая жизнь и душу свою за слабое, страдающее, смертное существо.

Да, понять Вашу любовь непросто. Уж слишком Вы нетипичный, слишком ироничный представитель нашей великой словесности, обремененной, как правило, своей учительской миссией. Никого ведь не учите, не носите с идеями, не впадаете в мессианский пафос. Ибо ирония и пафос так же несовместны, как гений и злодейство, и юный Антоша Чехонте зорко следит за повзрослевшим Антоном Павловичем, дабы тот не отяжелел сердцем, не притупил перо и не превратился в унылого близорукую моралиста. Вот почему у Вас всегда одна идея — человек и одно учение — чуткое, пристальное внимание к его мятущейся двоякой природе.

Уж кто-кто, а Вы-то хорошо понимаете, как запущена наша болезнь. На кого уповать, к кому обращаться за помощью? Современная медицина, по старинке лечашая тело в отрыве от души, тут не поможет. Равно как и современная литература, куда более озабоченная созданием собственного модного имиджа и получением дивидендов с одного, нежели проблемами бытия. Тут нужен Врач. Настоящий, от Бога, прозревающий и исцеляющий духовные язвы. Научающий любить и сочувствовать, терпеть и веровать. Поднимающий над уродливой какофонией современности и открывающий иные, гармонические смыслы — те самые «алмазы», которые дано нам видеть с Вашей помощью, добрый, чуткий, все понимающий Антон Павлович...

Короткая Рубашка

Памяти капитана Уилфреда Доумена

История не приемлет сослагательных наклонений. Происходит то, что должно произойти, безо всяких поправок на «если бы». И всё же, если бы мне посчастливилось однажды оказаться в Англии, я бы отправилась в Гринвич. Здесь, на берегу Темзы, в специально выстроенном сухом доке стоит легенда парусного флота, таинственная и прекрасная, как все легенды на свете. Латунная табличка на одной из стен дока гласит: «Здесь сохраняется «Катти Сарк», как памятник своего времени, как дань уважения людям и кораблям эпохи паруса».

Я бы коснулась ладонью обшивки корпуса, нагретой скупым английским солнцем...

— Ну, здравствуй, Короткая Рубашка!

И Вечная Нэнни, возможно, улыбнулась бы мне в ответ.

Своим появлением на свет чайный клипер «Катти Сарк» обязан именно ей, молоденькой ведьме в короткой рубашке. Своей нелёгкой судьбой, роковым невезением и необъяснимым везением — ей, и только ей. В истории клипера, единственного на сегодняшний день сохранившегося представителя стаи «гончих псов океана», тесно сплетены события реальные и вымышленные. Окутанная тайной древних баллад и легенд, королева парусного флота и в наши дни вызывает восхищение. Да, не менее красив был и «Ариэль», без вести пропавший, и английский галеон «Золотая лань», — знаменитое судно не менее знаменитого пирата — сэра Фрэнсиса Дрейка. Более того, в гонках чайных клиперов «Катти Сарк» ни разу не удалось прийти первой, всё время мешали досадные случайности, которые очень скоро переросли в закономерность.

И всё-таки, именно ей принадлежит титул королевы парусного флота.

А начиналось всё в те далёкие и славные времена, когда Шотландия была Каледонией, и бродили по её бескрайним зелёным просторам меккеры — странствующие певцы и музыканты. На этой древней благополучной земле суждено было появиться на свет Роберту Бернсу — великому шотландскому поэту. Наверное, в раннем детстве от матушки услышал он предание о Нэнни Короткой Рубашке, а может, от подвыпивших завсегдатаев кабачка в Аллоуэй, — так называлась деревня недалеко от городка Эйр. Именно это предание и легло в основу сюжета повести в стихах «Тэм О'Шентер».

**Не знала бабушка седая,
Рубашку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдёт
В пустынный храм среди болот.
Что бесноваться будет Нэнни,
Среди чертей и привидений!**

Злую шутку сыграл с Тэмом коварный Джон Ячменное Зерно. Встреча с ведьмой в короткой рубашке чуть не стоила ему жизни, но старая верная Мэг, кобыла Тэма, рванулась изо всех сил и спасла своего непутёвого хозяина, вот только хвост остался в руках у ведьмы, а ведьма...

**...была в рубашке тонкой,
Которую ещё девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.**

После выхода в свет повести «Тэм О'Шентер» прошло немногим менее ста лет. Английский судовладелец Джон Виллис (по прозвищу «Белый цилиндр») в одной из картинных галерей Лондона увидел полотно неизвестного художника. На нём была изображена молоденькая ведьма в короткой рубашке, летящая над серым бескрайним болотом. Джон, влюблённый в поэзию Роберта Бернса, конечно же сразу узнал Нэнни. Узнал и... влюбился. Он решил построить корабль, такой же лёгкий и быстрый, как его мифическая возлюбленная, и назвать его в её честь.

В 1869 году с шотландской верфи «Линтон & Скотт» сошёл чайный клипер с необычной формой кормы, с невероятно пышной громадой парусов и с носовой фигурой — ведьмой в короткой рубашке, крепко сжимающей в вытянутой руке лошадиный хвост (не забыли старушку — Мэг?).

Оставалась одна проблема — название. Люди верят в приметы, а уж моряки — народ самый суеверный, и вряд ли кто из них отважился бы ступить на борт судна, носящего имя ведьмы. Слишком живучей оказалась древняя легенда, и Нэн Короткая Рубашка была хорошо известна не только в Шотландии, но и в Англии. Пришлось убрать из названия само имя «Нэн», оставив загадочное и странное «Катти Сарк», что в переводе с древнего каледонского наречия и означает «Короткая Рубашка».

Кто знает, может быть именно это и послужило причиной неудач, преследовавших судно. Клипер неоднократно менял хозяев, порта приписки, названия. Не раз приходилось ему вместо чая и шерсти (чайные клипера строились для перевозки именно такого рода грузов) перевозить уголь. Видимо, закончилось бы это всё для красавца-клипера печально, если бы не...

В домике, приютившемся на одной из окраин города, было холодно. На широкой лежанке у остьёвшего камина спал седой старик. Когда-то давно он был Капитаном. Судьба хранила его, как умеет она хранить молодых и сильных. Теперь он жил здесь со своей женой да с белым огромным попугаем — большим любителем рома. В прежние времена Капитан частенько баловал птицу, до краёв наполняя чашечку крепким ароматным напитком. Попугай выывал всё до капельки и при-

нимался орать: «Браво, Короткая Рубашка!». Ещё он обожал отдавать команды, но частенько путал зной с вестом. За это Капитан наказывал пьянчужку — накрывал клетку тёмным платком и загонял туда совершенно окосевшего от рома попугая.

Но счастливое время это ушло безвозвратно, как уходит песок сквозь пальцы, и лишь воспоминания одинокими песчинками остаются в пустых ладонях. Капитан состарился, в плаванья больше не ходил, да и ромом давно не пахло в его бедном доме. А недавно Капитан заболел, да так, что и вставал теперь с трудом. Вот и сидела грустная птица на подоконнике, и целыми днями наблюдала за наглой вороной, важно разгуливающей по карнизу соседнего дома.

В комнату вошла Женщина. Серые глаза её были темны и тревожны. Она подошла к лежанке и коснулась лба Капитана узкой прохладной рукой. Он открыл глаза.

— Ты совсем замёрзла.

— А ты горшишь. Сейчас я растоплю камин и согрею чай.

— Погоди. Присядь-ка на минутку.

Она присела на краешек лежанки и взяла его за руку.

— Пообещай мне, что ты всё сделаешь, как надо.

Ему было тяжело говорить, голос его часто прерывался хрипами, но он продолжил:

— Сделай это, пожалуйста, и пусть Нэнни поможет тебе, да простит меня Бог.

Глаза Женщины ещё больше потемнели — от слёз, она молча кивнула головой и легонько сжала руку Капитана. Он пытался сказать что-то ещё, но не мог, лишь хрип вырывался из его груди. Наконец, голова его бессильно откинулась на подушку, и он затих, а Женщина заплакала тихо, беззвучно, лишь худенькие плечики её вздрагивали под тёплым старым пледом. Старый моряк был мёртв.

Спустя несколько лет после смерти капитана Доумена его вдова передала восстановленный парусник Морскому колледжу. В 1949 году «Катти Сарк» становится собственностью Национального Морского музея в Гринвиче, а ещё через пять лет, в 1954 году, клипер установили в сухом доке на берегу Темзы.

Именно капитан Доумен «случайно» оказался в порту Фалмут в один из ненастных дней 1920 года, куда, спасаясь от шторма, зашло судно под именем «Мария де Ампару» (по другим сведениям «Ферейра»). Но ни обрывки грязных парусов, свисающие с поломанных мачт, ни другое название не могли обмануть Доумена. Такие великолепные, изысканные обводы корпуса могли принадлежать лишь одному судну. И лишь одному судну могла принадлежать эта странная носовая фигура — девчонка в короткой рубашке с копной развевающихся волос, девчонка, сжимающая в вытянутой руке лошадиный хвост. В этом, словно явившемся с того света корабле-призраке, он узнал «Катти Сарк», на которой служил когда-то в юности юнгой.

На то, чтобы выкупить и восстановить парусник, ушла большая часть сбережений капитана. Что случилось потом, вы уже знаете. К сожалению, он не дожил до того дня, когда в сухом доке на берегу Темзы встало на вечную стоянку судно, спасённое им от неминуемой гибели.

Оно и по сей день стоит в далёком туманном Альбионе. На его борту создан уникальный музей носовых фигур, и всё так же рвётся навстречу морским ветрам Нэн Короткая Рубашка. И совершенно неважно, какой век бурлит вокруг. По-прежнему бредят мальчишки дальними странами и неоткрытыми островами.

Вы говорите, что не осталось белых пятен на карте? Но у каждого поколения своя TERRA INCOGNITA. Её Величество Мечта царствует вне времени, и границы её простираются далеко за пределы Зурбагана и Лисса, до самой таинственной страны NEVERLAND. Там, на просторах Мечты, несётся под парусами, полными попутного ветра, прекрасная «Нэн Катти Сарк», несётся в порт приписки по имени Вечность.

P.S. Эта миниатюра была опубликована в 2006-ом году, когда клипер «Катти Сарк» ещё стоял в сухом доке в Гринвиче. 21 мая 2007 года на судне вспыхнул пожар, который практически уничтожил легендарный парусник. Что послужило причиной пожара?

Думаю, что ответ знает только одна она — Вечная Нэнни.

И можно надеяться на то, что и на этот раз судьба будет благосклонна к судну.

Людмила ШАРГА
официальный представитель
медиа-группы изданий «Интеллигент»

Вера Зубарева

Доктор филологических наук, писатель, литературовед. Главный редактор журнала «Гостиния». Президент литературного объединения ОРЛИТА. Первый сборник стихов, «Аура», вышел с предисловием Беллы Ахмадулиной (Филадельфия, 1991). Лауреат международных литературных премий, в том числе, Муниципальной премии им. Паустовского. Преподаёт чеховскую комедию и искусство принятия решений в литературе, кино и шахматах в Пенсильванском университете.

ДЫХАНЬ СНЕГА

Новый год подступает ко мне,
Словно к горлу колючий комок.
И со мною почти наравне
Опечален рождественский Бог.
Никакого не нужно тепла,
Никакого не нужно стола.
Если б мне хоть немного свободы,
Я б в лесу эту ночь проспала
Среди белых гигантских ветвей
Или, может быть, возле корней.
Как медведица или как птица.
Это было бы лесу видней.
А наутро пришла бы к тебе —
Ничего б не случилось со мной.
И опять как ни в чём не бывало,
Я бы стала твоею женой.

Мы смотрели друг в друга. «Зима скоро», —
Ты сказал негромко. Всё обмерло.
Вечерело. К концу разговора
Замёрзло лебединое озеро.
«Мало ли, что ещё может присниться!», —
Сказал ты и растворился в складках ума.
Я открыла глаза, и какая-то птица
Плакала о том, что наступила зима.

Наступила зима —
так резко, как холод ответа
На вопрос, который настало время задать.
И избыток тепла
перешёл в изобилие света,
А неровности сбитой земли —
в ледянистую гладь.
Можно только зажмуриться
в этом пронзительно-белом
Полувремени,
полупространстве молчания льдов.
Снеговик разлетелся,
и стал космическим телом
Его стёсанный выюгами
шарообразный остов.
И исчезли черты,
и прикрылся ладонью во сне ты,
Словно там ослепил идеальный его
монолит.
А я думала: «Так превращаются
люди в планеты,
Если выбились вдруг за пределы
земных орбит».

ЗАНОС

Вы любили меня —
До прихода друзей, до расспросов.
Вы любили меня
В глубине этих снежных заносов,
В глубине,
Где окно залепило и вход, и площадку,
И где многое было
Вопреки не любви, но порядку.
Вы любили меня —
Не прослушав ни строчки, ни слова.
Вы любили меня —
Ни хорошего в том, ни худого.
Был ваш замысел прост,
И любовь — в незатейливой роли:
Словно снежный занос,
Потому что — февраль. И не боле.

Ты мне был предначертан.
Он мне был наворожен.
Ты пришёл ко мне с ветром.
След его запорошен.

На дороге метельной
Оба вы повстречались,
В кутерьме карусельной
Ослеплённо промчались.
И у самого края —
У порога седого —
Ты, ему уступая,
Заповедал мне Слово,
Заповедал мне Слово
Колдовское, литое.
С милым будет всё снова.
Всё, что ново — с тобою.

Людмиле Шарга

У нас метель...
Из переписки

Как я хочу в твою метель!
Там то ли вьётся, то ли снится
Разорванная в снег страница —
Раздумья облачных недель...
Здесь — только лампа и луна
Во всём большом квадрате ночи.
Я думаю, что я одна,
Ты думаешь, что ты одна,
И сумма наших одиночеств
Кому-то третьему видна.
А улица стремится вверх...
А может быть, мы просто смотрим
Туда. И скрытых звёзд акроним
Приходит к нам сквозь ночь и снег.
И сумма одиночеств — в нём,
И жизнь, что скачет по синкопам.
И думаем мы об одном,
И смотрит в вечность астроном
Несовершенным телескопом.

ОБЛЕДЕНЕНИЕ

Там город за окном —
обледеневший, чёрный,
Как прашур городов цветущих и живых.
Зачёркивает тьму
Над тяжкой снежной кроной
Искрящих проводов
молниеносный штрих.

Я слушаю, как всё
Ломается и стонет,
Как будто стала смерть
Немыслимым трудом,
Как будто город — миф,
А ночь — рубеж историй,
А свитком буду я,
А манускриптом — дом.
Скрипит какой-то ствол,
Отторгнутый корнями.
Он пал — как человек,
Хотя и рос — как ствол.
И что за новый смысл
Открылся в этой драме?
И был ли в этом смысл
Иль только — произвол?

Могу ли я противиться судьбе,
Когда хитросплетения перекрёстков,
Мысль архитектора
и суть его набросков —
Всё в городе направлено к тебе?
Ты даже сам не ведаешь, в каком
Клубке случайностей заверчен и запутан
Внезапный путь к тебе, что по минутам
Размечен в подсознании моём.
И не сосредоточиться вовек,
Чтоб обойти однажды стороной
Дом, вписанный в особо белый снег
С его игрой подчёркнуто двойною, —
Твой дом, где нам с тобой до остроты,
Ежеминутно, без причин, в избытке
Необходимо быть и быть на «ты»,
Забыв приличий прошлые попытки.

Это было искусством.
Знаешь, как он говорил,
Как невидимым движеньем
Дверь тугую отворил,
Как рассказывал о друге,
О неведомой любви.
Как запели чисто voci,
Словно к ночи — соловьи!

Было сумрачно и снежно,
Льдом посверкивал порог.
Кто-то обнял властно, нежно
И в другую жизнь повлёк.
Я ушла за незнакомым,
За незнаемым, иным,
Не простившись даже с домом,
По дорогам ледяным.

Валерий (Вилли) Брайнин-Пассек

Родился в Нижнем Тагиле. Мать, урожд. А.И.Пассек, детский врач, похоронена в Филадельфии. Отец, Boris Brainin, лит. псевдоним Sepp Österreich, австрийский поэт и переводчик, похоронен в Вене (с 1934 в СССР, 1936-1955: тюрьма, лагерь, ссылка, репатриировался в 1992). Получил композиторское образование, писал вокальную, камерную и симфоническую музыку, музыку для театра. Состоял в московском клубе «Поэзия». С 1990 года живёт на два дома – в Ганновере, где руководит музыкальной школой, и в Москве, где руководит лабораторией в Московском педагогическом государственном университете. В 2004 избран президентом Российской секции Международного общества музыкального образования при ЮНЕСКО. Инициатор и артистический директор международного конкурса музыкантов-исполнителей Classica Nova (музыка XX века, первый и на сегодня единственный конкурс посвящен Шостаковичу, Ганновер, 1997, признан Книгой Гиннеса в качестве крупнейшего музыкального конкурса). Член российских и западных научных обществ. Музыкальная эссеистика и научные публикации в России и за рубежом. Первая поэтическая публикация – в ленинградском журнале «Костёр» (1966). Стихи публиковались в журналах и антологиях «Арион», «Новый мир», «Строфы века», «Знамя», «Partisan Review» и многих других, переведены на английский и немецкий. В 2009 в издательстве «Алетейя» вышла книга избранного «К нежной варварской речи».

М.

Особых иллюзий не было ни у кого, но верить хотелось так вопреки уму, что он сгалатеил собственное божество, своего истукана — и тупо кадил ему.

Он взял эту прелесть с собой на остров Крит, где ночью в горах от фар сгушается мрак, где чудиком приплыл был лабиринт открыт, где Бык обошёлся с Европой известно как.

И, наверное, оттого что всё так сошлось в колыбели божков любвеобильных, с ней не сумел он представить себя назавтра врозь, но поверил ещё отчаянней и нежней.

2003

СТАНСЫ

1

Погоды тихой баловень и дамб угодник, чуден пятистопный ямб. И верно — редкой рыбе подфартило доплыть до середины без цезур, когда для развлечения местных дур рыбаков подьёмлет вялое ветрило.

2

Мы предаём, когда хотим любить, и вместо ямба к нам готов прибыть кривой уродец, колченогий дактиль. Он имитатор страсти, он пошляк, он грубый фельетонщик, но никак не разобратся, кто же здесь предатель.

3

Любви-злодейке, дальнему пути, казённым нарам вышел срок почти, но боязно увидеть там, за вышкой широкую страну лесов, полей и рек. Неволья может быть милей, чем комсомолка с книжкой подмышкой.

4

О, кто так безутешно одинок, что, даже видя, заглотнул крючок, себя позволил вышвырнуть на берег? Почто лежит покорно на траве? Почто в его безмозглой голове туман канад, австралий и америк?

5

Ещё не запаршивел старый пруд — здесь дохнут караси, сазаны мрут, однако не спешат на сковородки. Сюда не проникает грязный дождь, а грозный тамада и красный вождь здесь ни усов не кажут, ни бородки.

6

Плюнь мне в глаза, и я плевок утру. Я промотался на чужом пиру, прокуковал, пробегался по шлюхам, себя прошляпил. Нынче на току тетёрку за собой не увлеку, глухарь-бетховен с абсолютным слухом.

7

Мы любим тех, кого хотим предать. Ты, нежность, в темноте, как вечный тать, приходишь. Ты — находка осызання, фосфоресцирующий след лица, честнейшая улыбка подлеца, ленивая, зелёная, сазанья.

8

Здесь у тебя уловок — пруд пруди: Вот розовый живот, а вот груди серебряное вздутие, вот кроткий золотошвейный глаз. И невдомёк глядющему, на что дерзёт крючок, губу минуя и дойдя до глотки.

1990

М. Безродному

По счастью, смолodu я многое запомнил, я текстами и музыкой заполнил подвалы памяти. Там всякое теперь — и мусор, и сокровища, зато мне спускаться удавалось в мир фантомный и отпирать заржавленную дверь в лихие дни. Отведать несвободы мне довелось уже в шенячьи годы — храпел пахан, повизгивал дебил, а, может, не дебил. Стекланный холод стоял над нарами. Я был чудесно молод и всё, что помнил, про себя бубнил.

Мне говорил один тюремный гений: «Чем меньше срок, тем больше впечатлений». Мне кажется — я тыщу лет живу, в мусоросборнике моём от «слёз и пени» перехожу к «унынию и лени», цитирую, и с этим на плаву пока ещё болтаюсь, как ни странно. Я в юности читал Роменроллана: едва бредёшь, - там было, - но паришь, когда тебя бетховенская тема возносит над толпой, текущей страшно, немо, а позади униженный Париж.

2003

Родная, старея, со страху начнёшь давать приятелям сына, теряя мужество перед невинной наглостью, падая на кровать в слезах, когда негодник тебя похерит.

Ты будешь жалеть стремительную красоту, когда, привычно в зеркало глядя, вдруг там увидишь посуду мытую, пустоту и мужа, который объелся известным фруктом.

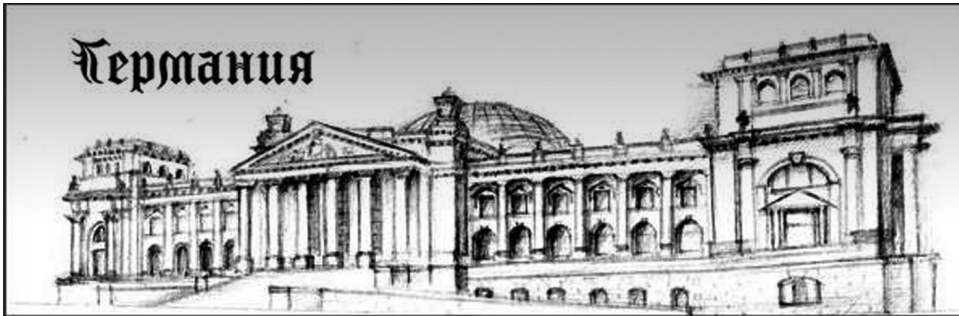
О, если б я только мог, я бы возник в твоём зазеркалье дыханьем, клочком тумана — прищучить нахала и хоть на единый миг тебя утешить, сказать, что сдаваться рано.

Я знаю, что я вернусь и докучных мух сгоню с лица равнодушной ночи, сяду к тебе на постель, скажу отчётливо, вслух: - Родная, не плачь, отчаиваться не надо —

мы скоро возьмёмся за руки, поплывём в последнем туннеле туда, к жемчужному свету, и снова молоды будем, и снова вдвоём, забыв навсегда тоску невозможную эту.

И ты услышишь исчезнувшего меня и будешь искать в темноте напряжённым взглядом, и к стенке подвинуешься, тёплой рукой храня пространство, почти живое, с тобою рядом.

Окно разбитое не выйдет в сад, а сад загубленный совсем не для окна. Такие нынче холода стоят, что ночка-льдничка насквозь видным-видна. И видит кто-то на краю села, лицо заплаканное обратив ко мне, что рамы выломаны, что светла пустая комната, как будто смерть во сне.

Александр Ланин

(1976 г.р.), родился в Ленинграде, вырос в Санкт-Петербурге, живёт и работает в Германии во Франкфурте-на-Майне. По специальности математик, ныне банковский работник. Пишет стихи с середины 90-х годов. Лауреат конкурсов «Пушкин в Британии 2010», «Эмигрантская Лира 2010», «Ветер Странствий 2011». Публиковался в журнале Terra Nova, а также в различных сборниках, составленных по итогам международных поэтических конкурсов.

Десант

Мы просыпались вниз, как сидели, рядами. Над истерзанным городом тучи рыдали. Мы привыкли, что им разрешается плакать, А не нам, отбивающим стопы о слякоть.

Мы привыкли к войне. И к побудке пинками. И дремать, упираясь в лицо кулаками, Нечувствительны к шуму, бесчувственны к боли, Просыпаясь как раз за минуту до боя.

Темнота нас встречала залиvistым лаем. Вот и всё. Мы уже ничего не скрываем. Вот и первый свалился, убит или ранен. Наплевать, мы сумеем дойти до окраин.

Языки на плечо, через ночь - недотрогу, То петляя змеей, то срезая дорогу, Продираясь огнём в отсыревших поленьях, До пожара в ладонях и дрожи в коленях.

Мы - не боги войны, а навозная жижа. Наше дело простое - подохнуть, но выжить, Потому что в конце этой каши кровавой Никому не воздастся заслуженной славой.

Эта томная дрянь в одеянии тонком Пробежится глазами по нам, по подонкам, По безвестным рубакам и пьяным задирам, А потом, как обычно, уйдёт с командиром.

Мы прорвались, одним волчьим нюхом ведомы. В нас стреляли в упор и из каждого дома. Вместо лёгкой добычи и жирной наживы, Недожившие, радуйтесь, что не дожили...

И, сияя предчувствием скорой победы, Нас вели за собой Одиссей с Диомедом.

Дама

(из цикла “Пять карт”)

Не бывает любви, недостойной чужого горя. Так слезинка ребёнка снежинкой стораает в божь.

Разбуди меня ночью - огнём, небесами, морем, Нарисуй мои звёзды на белом своём пороге. Если вечер поймёт,

он сумеет уйти от плена, Но скорбит петушок о беспутном своём Дадоне. Моя тень, словно гость, покидает чужие стены. Моя линия жизни бежит по твоей ладони.

Не бывает любви, недостойной чужого счастья. Так неловкости лож всё равно обернётся зверем. Разбуди меня там, между первым и третьим часом, Разорви мою цепь за секунду до звона звеньев.

На весеннюю улицу выйдут, рыдая, пары, Возлагая цветы к веселорукой своей мадонне.

Но пускай моя бухта искрится рядами палуб, Моя линия жизни лежит на твоей ладони.

Не бывает любви. Никогда. Никакой. И точка. И томление духа - всего лишь причуда тела. Но - дурные вампиры - мы живы, и живы только Отражаясь друг в друге и тем сохраняя тени. Наша хлипкая нить - не замена привычным тросам, Ведь она и горит, и в воде, понимаешь, тонет.

Просто всё это то, что случится не с нами. Просто Моя линия жизни бежит по твоей ладони.

Данте

Спокойно и грустно, когда полпути за плечами - Земного пути, потому что иных не бывает. Друзья подстрелили зелёную птицу печали, Но не потрошили и чучела не набивали. И ты говоришь, что тебе перед нею неловко. И машешь руками. Как крыльями, машешь руками. Твоя Беатриче живёт в девяти останках, Которые ты до сих пор называешь кругами.

А птица глядит, не мигая, и взгляд её полон Совсем не немого, а шумного злого укора. Гитара на стенке - не самый изысканный повод Напяливать новые рифмы на те же аккорды. Так вера в себя почему-то похожа на ересь, Волшебная флейта к губам перепуганно жмётся. А к Моцарту в гости с бутылкой приходит Сальери, И Моцарт нажрётся. И Моцарт, конечно, нажрётся.

Но что тебе гении, ты ведь и сам себе гений, Хотя и не веришь себе ни на грош, ни на йоту. Немного лысеешь, но это, наверное, гены. А что до морщин, то они от питья и работы. Друзья говорят, что бывает значительно хуже: Дороги - не в Рим, а в иной итальянский топоним. Твоя Беатриче давно завела себе мужа, И ты её понял. И ты её, в общем-то, понял.

Ты смазал картину небрежным движением кисти, И неба лазурь перекрасил в неистово алый. Не то, чтобы ради каких-то загадочных истин, А просто затем, что иначе она застывала. Весомы слова и дела, а шаги невесомы. Шагая по струнке, теряя без боли и гнева, Ты в зеркале видишь себя с бородой и босого. Но чуда не будет, и глупо закидывать невод.

Не явится рыбка - идея себя изжила ли, А, может быть, просто никто ей за это не платит. Однако в запасе осталось одно из желаний, И этого хватит. Конечно же, этого хватит. И, если твоя Беатриче однажды заплачет - Случится беда, или просто тоска подкрадётся,

Ты к ней прилетишь, ты всё так же не можешь иначе. И всё обойдётся. Ты знаешь, что всё обойдётся.

Михаил Юдовский

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. После школы учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. Два года отслужил в армии, на Дальнем Востоке. С 1989 года — свободный художник. Первую книгу («Приключения Торпа и Турпа») написал в соавторстве с Михаилом Валигурой. Книга была издана в 1992 году в издательстве «Эссе». В том же 1992 году переехал в Германию. Впрочем, остается гражданином Украины, где бывает очень часто. Выставлял свои живописные работы в странах СНГ, Европы и Америки. Свыше 100 работ автора находятся в музеях и частных коллекциях 14 стран: Украины, России, Германии, США, Израиля, Великобритании, Франции, Австрии, Польши, Италии, Коста-Рики, Сербии, Хорватии, Болгарии. Поэзию и прозу автора публиковали в Украине, России, Германии, Англии, Израиле, Австралии и США. В 2009 году в Украине вышла книга М. Юдовского «Поэмы и стихи». М. Юдовский участвовал в турнирах «Пушкин в Британии» (2009 — третья премия и приз зрительских симпатий; 2011 — приз зрительских симпатий), «Эмигрантская лира» (2009, Брюссель, приз зрительских симпатий, приз за Магию Слова) и «Активация слова» (2011, Киев, первая премия)..

Даниил Чкония

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик — родился в 1946 году в Порт-Артуре, жил в Мариуполе, Тбилиси, Москве, с 1996 года — в Кельне. Окончил Литературный институт имени М. Горького. Автор восьми книг стихов, многочисленных книг переводов поэзии и прозы с грузинского. Член Союза писателей с 1976 года, ныне — член СП Москвы и Русского ПЕН-Центра. В 2005-2009 годах — главный редактор журнала русской литературы «Зарубежные записки» (Германия). В 2011 году за этот проект (совместно с соредктором Ларисой Щиголь) награждён дипломом Жюри и Оргкомитета Русской премии «За вклад в развитие и сбережение традиций русской культуры за пределами Российской Федерации». В 2006 году отмечен специальным призом 2-го Международного фестиваля русскоязычного зарубежья имени А.П. Чехова в Греции (Афины) — «За особый путь в творчестве и судьбе «Достоинство личности и культура». Постоянный председатель жюри конкурса молодых поэтов русского зарубежья «Ветер странствий» в Риме и член жюри Поэтического фестиваля «Эмигрантская лира» (Бельгия). В последние годы активно печатается в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир».

Не ты в тюрьме. Скорей, в тебе тюрьма.
Тем хуже, беспросветней и отпетей.
Мне кажется, что мир сошел с ума.
Вернее, сходит — шесть тысячелетий.
Отсчет не тот и будущность не та.
Преступный миф чужая кровь оплатит.
Не хватит ли холопства и кнута?
Я с грустью убеждаюсь, что не хватит.
Деревенеет плоть. В сердцах разброд.
В умах туман навязчивого бреда.
Покуда правят карлики, народ
Несет цветы к могиле людоеда.
Вращением уносит колесо
Событий незавершенные строфы.
Ничто не изменяется. И всё
Предсказывает близость катастрофы.

* * *

Мы едва ли оставим преемников,
Через сумрак идущие к светлости,
В это странное время кочевников
За чертою вселенской оседлости.
Ошестинив пути караванами
И утратив печать первозданности,
Мы пребудем гостями незваными
Даже в собственной обетованности.
Пусть же Богу достанется огово.
В небесах, серебристых от млечности,
Не хватает для счастья немногого —
Ощушенья своей человечности.
Все дороги известны и пройдены,
В окончанье сойдясь крестовинами.
И чужими становятся родины,
На ветру шевеля пуповинами.
Остаются пространства невнятными
И, виднеясь нагими и сырими,
Начинаются белыми пятнами.
И кончаются черными дырами.

* * *

Ползя на сломанном крыле
И умирая,
Мы подбираем на земле
Обломки рая.
Они сверкают на снегу
Клочками света.
Спроси, зачем? — я не смогу
Найти ответа.
Для сына блудного отец
Захлопнул дверцу.
Из всех разбившихся сердец
Не склеить сердца.
Поэт внутри, видать, вовне
Господь прозаик.
Мы привыкаем жить в стране
Живых мозаик.
Не лучше ль так, чем без конца
О чем-то плача,
Ходить с печалью в пол-лица,
Другую пряча?
Зачем-то, всё же, наша плоть
Взошла из чресел.
И если в небе есть Господь,
Он сердцем весел.
Отмерит радости на всех,
На всех отречет.
В трагедии приличней смех,
Чем плач и скрежет.
Не рукотворна эта слизь,
А рукоблудна.
Молиться хочешь? Помолись.
Но не прилюдно.
И не сейчас. Ты подожди,
Пока я свистну.
Мне скучен пафос. А вожди
Мне ненавистны.
Довольно сеять этот страх
Под небесами.
Пусть инквизиторы в кострах
Сгорают сами.
Пускай оскалится кумир
Гримасой жуткой.
Я улыбнуть желаю мир
Дурацкой шуткой
Не с тем, чтоб ближнего распять,
А чтоб, играя,
Собрать в единое опять
Обломки рая.

Моление о чаше

Ты, конечно, прости.
Эта чаша мне стала горька.
Даже воздух врезается
в кожу отточенной бритвы,
Что висишь на кресте,
что стоишь у пивного ларька,
Собутыльников речи смешав,
как обрывки молитвы.

Я почти их не слышу.
Мне давит на слух тишина,
Растворяя мгновенья
и целые тысячелетия.
И под сетью рубцов кровотоцит
заката спина
От ударов, оставленных
чьей-то невидимой плетью.

Мир устал от вращения,
стерев основанье оси.
Он мечтает забыться,
укрывшись омелой и миртом.
Не оставь же его.
И за тысячу верст пронеси
Эту чашу, где кровь
изначально разбавлена спиртом.

* * *

В том краю, где на сердце
настолько глухо,
Словно дождь в нем
столетиями моросил,
Оставаться собой не хватает духа.
А казаться другим не хватает сил.

Ты невинным младенцем
поновой в ясли б
Завалился, свернувшись, как уж,
в кольцо,
Чем летать заоблачно,
словно ястреб,
Разбивая о небо себе лицо.

Если хочешь — сочти эту
жизнь ошибкой.
Но почувствуй, спросонья
творя разброд,
Как чужая горечь кривой улыбкой
Искажает твой гордый упрямый рот.

Истончись, как нерв,
как бесцветный волос,
Погляди сквозь себя на вечерний свет.
И тогда ты, наверно, услышишь голос.
И не дай тебе Бог промолчать в ответ.

* * *

Но знай и помни, в пламени сгорая
И чувствуя безумье и распад,
Что мы когда-то были дети рая,
Зачем-то опустившиеся в ад.
Приходит убыль, пожирая прибыль,
Выхватывая вечное из рук.
И, кажется, лишь собственная гибель
Способна разомкнуть порочный круг.
Мы сохранили в замкнутости круга
Уменье в изнурительной борьбе
На расстояньи чувствовать друг друга
И чувствовать небесное в себе.
Прости меня за эту мягкотелость,
А хочешь — безрассудством назови.
Мне попросту немного захотелось
Поговорить с тобою о любви.
Мы словно осязаем, умирая
Средь множества расставленных сетей,
Обрывки расточительного рая,
Теряющего собственных детей.
В нас теплится вчерашнее раздолье,
И хочется, быть может, не попад
От сердца насладиться этой болью
Как самой величайшей из наград.

Я согласен назвать ностальгией
Бесконечно тягучие сны.
Вижу лица, но лица — другие.
И другие приметы весны.

Подступающий миг пробужденья
Не пугает реальностью дня.
Но сменить бы мне дату рожденья,
Раз уж адрес иной у меня!

И, посмертные слепки снимая,
Счет ушедшим мгновеньям веду.
Я сегодня, что лошадь хромая,
Сбился с шага и сплю на ходу.

Не задворки, зады, перекопы,
Не обмылки в гремящих тазах...
Я стою посредине Европы
С азиатской тоскою в глазах.

ГРУЗИНСКОЕ СТИХОТВОРЕНЬЕ

Яну Гольцману

По дорожке — пыльной, старой,
По тропинке — да не спорю! —
Чок да чок — бычок Цикара,
Чок да чок — бычок Никора...

Путь неблизок, мир нетесен,
День не скуп на свет и краски —
От чуть-чуть печальных песен
До наивной грустной сказки.

И неспешные отары
Тянутся нешумно в горы,
Где остался след Цикары
И не стёрся след Никоры.

Потому что в этом мире
Друг — твердыня и основа,
К двум твоим — придут четыре
Добрых дела, добрых слова.

О добре ведутся споры,
И про зло талдычат свары...
Кто придёт на зов Никоры?
Кто услышит зов Цикары?

Ветка к ветке, камень к камню —
Свить гнездо, сложить дорогу...
Протянись твоя рука мне —
Сразу чувствую подмогу!

И по-русски: скоро-скоро!
По-грузински: чкара-чкара!
Чок да чок — бычок Никора...
Чок да чок — бычок Цикара...

МОТИВ ШАГАЛА

Любовники долго
врастают друг в друга.
И вдруг друг из друга
произрастают они.
Смотри, в очертаньях невидимых
синего круга
зелёным посыпаны эти лиловые дни.

Как туго изогнут стремительный лук
бирюзового луга!
Упруго любить. Нежно любить. Больно лю-
бить телом об тело,
когда тополияная выюга
вьётся над городом-полем в сонливом хмелю.

Легко оторваться
от быта болтливой слободки —
истица-виновница,
истины блудная речь,
беги местечково-тоскливой
вседневной сеledки!
Вседневной печалью —
со вздохом —
спеши пренебречь!

Заброшенный Витебск
вспорхнёт из-под синего плуга...
И вспыхнут птенцами,
синяя под небом, огни...
Любовники пламени
плавно растут друг из друга!
И нежно друг в друга
навечно врастают они.

* * *

Буксир на реке завывает...
Я вышел и сразу промок.
Ну что ж, и такое бывает.
И что мне полночный звонок!
И что мне в твоём интересе —
Куда моё время летит!
Ты где-нибудь в теплой Одессе,
А здесь без конца моросит.
Здесь тусклая сырость нависла.
Не спрашивай лучше, не зли!
Летят перелётные числа
И тают в осенней дали.
Недолго уже до мороза,
Как вечер наступит — ни зги...
Какой-нибудь Бабель с Привоза
Тебе заморочит мозги.
Мерцает холодная лужа,
Буксир завывает, скорбя...
Послушай, найди себе мужа!
Пускай он ревнует тебя!

* * *

Но как просилась ты в силки
Наперекор своей природе...
Я научил тебя свободе,
И — взмахи крыл твоих легки.

Лети, неласковая птица,
И падай в медленную высь.
Не оглянись: всё повторится.
Не повторится! Оглянись!

И — плавная — по повороту —
Истаиваешь ты во мгле.
Я научил тебя полёту.
А сам остался на земле.

* * *

Рановато для бабьего лета
В сентябре разыгралась жара.
Видно, песенка наша не спета,
Как нам это казалось вчера.

На рассвете туманно-бездонном
Спор нахальных ворон у окна.
Почему наша нежность бездомна?
И разлук не боится она.

Так скажи, что пора нам, пора нам
Разлететься за окоём...
Я удачи считаю по ранам,
По зазубринам в сердце моём.

* * *

Бедром циркачка обруч вертит,
Скажи ты, ловкая девица!
Хотите — верьте, нет — не верьте,
Что им никак не надивиться.

Они явились, аты-баты,
Расселись дружно и свободно,
Галдят голодные солдаты,
Их урезонивает взводный.

У них сегодня увольнение,
И политрук задумал дело:
Всем — в культпоход
на представленье,
И вот их дразнит бабье тело.

А вот наездница — то вскочит
На круп коня, а то соскочит...
Взвод жеребячится, гогочет
И дурью мается, и хочет.

Германия

Михаэль Шерб

Я родился в Одессе, окончил ОГУ (теор. физика), затем в 1994-м переехал в Германию, окончил Дортмундский Технический университет (информатика). Работаю программистом, женат, сын.

И снова будут в радужной пыли
Купаться воробьи твоих желаний,
И клёнов золотые корабли
Войдут армадой в гавань увяданья.

И, проскользнув по черенку листа,
Хрусталик капли вспыхнет каждой гранью.
О чем еще успеют прошептать
Тугие вспышки астра и герани?

Останемся мы двое. Нам во сне
Кино покажет тротуарный камень:
Как альбатросы чистых простыней
Взмывали над горящими дворами.

Нас, затонувших, двое — ты да я
На мириады кораблей и лодок.
Уже не выжать жадны бытия
Из тубиков засохших наших глоток.

Вползает престарелая лоза
На стенку дома, — нас осталось двое
На чёрно-белом свете. И гроза
Искрит озоном в первобытной хвое.

О-ЗЕРО

Жужжит по сваям ветра жук.
Растянуты на тросах торсы,
Над пирсом — брызги, но сухи
Полоски-доски, тени — плоски.

Вода прогретая пресна,
Просторно — бликам, звукам — тесно.
И отражения блесна
Плывет средь мусора, древесна.

Зароешь ступни в жар песка, —
Чудесно!

Карабкайся, кораблик-вошь,
Хребтом отлогим горизонта, —
Пусть пробежит волненья дрожь
По плотной шкуре мастодонта.

И выплунет вода голыш
На склон покатый.
И ускользнет светило-мышь
В нору заката.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

На плечах и коленях весны —
Одеяла оливковых шестивей.
У излучин скольжений немых —
Черных ласточек жалость и жесты.

Оседает искристая взвесь
На кометах покинутых станций,
Пышет жаром прогретая жесь,
Ароматные всхлипы акаций.

Прозвенит параллельная сталь,
На мгновение выскользнет жало,
И в лицо не узнаешь печаль,
Словно это начало.

ТО САМОЕ

И то, что несколько дней
подряд он дарит цветку,
Словно облатку вкладывая
в распахнутый чашки зев, —
И то, к чему так вожделем
тянет сквозь снег зимний куст
Отростки гибких
оголённых пальцев — вверх.

И то, что после полудня мёдом течёт
По гладким стенам
с каждой покатою крыши,
И то, о чем поёт неверие моё
в псалмах, взлетающих всё выше.

И то, что предстанет взгляду моему
В виде лестницы из бесконечного
числа ступеней,
Когда, переступив через порог во тьму,
Падая ниц навсегда,
Я сперва упаду на колени.

И то, что чувствую в сжатом
до судороги кулаке,
Хотя ничего нет и не было никогда
на раскрытой ладони,
И то, что написано на каждой притолке
В каждом доме,
В котором живут...

Как смерть крепка

„Положи меня, как печать, на сердце
твоё, как перстень, на руку твою:
ибо крепка, как смерть, любовь...»

Песни Песней Соломона 8; 6.

Стойкой чалдонке Тане посвящается.

- Мешок рыбы на букет цветов? Конечно, да!

- Видали лоха?

Весь экипаж высыпал посмотреть на редкий случай, но «лох» уже уходил сквозь аэродромный гул, и даже по спине было видно, что вполне доволен судьбой.

Гвоздики из Москвы. В хрустящем целлофане. Пахучие. Свежие. Нежные. Эх, довести бы!

У себя, в рабочем общежитии, Саша прошел в чулан и выбрал там из хлама поломанный стул. Вахтерша, тетя Даша, с тревогой наблюдала как молодой мужчина оторвал от старого стула полукруглую дужку и записнул ее себе под парку, так что грудь оттопырилась, как у ядреной бабы.

- Вот! Позалют шары с утра и творят незнано чё! Ты чё делаешь, чё делаешь-то, охальник? Ментовка, гля, рядом. А ну - бряк-ну чё?

Саша, смеясь, чмокнул тетю Дашу в вялую щеку и выскочил во двор. Зарокотал снегоход «Буран».

На дворе темно, на душе светло, на спидометре - сорок. Вот уже позади «Страна Маленьких Палок», - полоса редколесья лесотундры, последние деревья сибирской тайги, и снегоход выбегает в Великую Белую Пустыню. Дальше, до самого Полюса, лишь снег и ветер.

Если держать направление на яркую звёздочку примерно на три локтя левее Полярной звезды, то через триста км. попадешь на речку Ханка-Тарида. Там, на крутой излучине, охотничье зимовьё. Там, на пороге, стоит Таня и смотрит на юг. И все мысли, и чувства, - там.

Дужка от стула выгнула парку на груди. В тепле и уюте, не придавленный, не помятый, приник к груди букет из Москвы. Четыре красные и три белые гвоздики. «...Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей!»

Три месяца длится на этой широте полярная ночь, сегодня двадцать второе декабря, самая середина, двадцать пятого Рождество, а двадцать шестого Танин день рождения.

Поженились двадцатого сентября.

Кто сказал, что медовый месяц только один, того остается только пожалеть!

Через сутки Саша подбехал к зимовью старика Прокопия, где собиравался отдохнуть. Никого... Ни даже следа собачьего..! Постоял Саша у покинутой избы, постучал ногой о пустые бочки из-под бензина - мда-а...

Топить сейчас вистывший балак, идти на озеро колоть лед, греть воду, готовить ужин, а утром разогревать остывший «Буран»? Нет! Вон облачность натекает, звёзд не видно, как бы не пурга.

...Цвела черёмуха, когда он начал ухаживать за своей Таней. Уже под утро, проводив девушку домой, Саша возвращался на речку и, наломав полную охапку тяжёлых, полных весеннего томленья цветов, возвращался к её дому и оставлял букет в старом кувшине у веранды. Проснётся,- улыбнётся.

Потом черёмуха стала осыпаться. И он любил встряхивать ветки над головой невесты, наблюдая, как белый цвет мешается с тёмной медью её волос.

Милое лицо молодой жены вдруг ясно выступило из темного неба, и зеленый дым сияния дугой лег на рыжие волосы.

„Ждешь, Танечка? Я сейчас. Я быстро. Я уже!“

Через несколько часов, по начавшему сереть горизонту, Саша вдруг понял, что едет на рассвет, что, не видя «таниной звёздочки», произвольно направляет руль снегохода в ту точку горизонта, где через полтора месяца встанет солнце. Вместо северо-запада едет на юг.

Бензина хватило вернуться на правильный путь и подняться к водоразделу до озера, из которого вытекает Ханка-Тарида. Вдоль берега реки стоят его капканы и ловушки на песцов, хорошие ориентиры.

Покинув верный остывающий «Буран», Саша шагнул в ночь.

«...Еду, еду, еду к ней...»

Прямо в лицо дует ровный, плотный хиус. Борода и усы, шарф на груди и опушка капюшона смерзлись в ледяную корку и стали одним целым. И руки... Отрезав кусок шарфа, Саша обмотал им руки, втиснул эти култышки в рукавицы, а затем еще и в карманы парки. Так-то лучше!

Эти шестьдесят километров Саша шел двадцать часов. К своей «избушке-промысловке», заледенелой палатке из старого брезента, подошел в самый разгар полярного рассвета, когда кажется, что солнце вот-вот появится из-за холмов.

Уф-ф! Наконец, можно прислониться к упругой стенке, расправить плечи и снять надоевшую, вросшую в спину двустволку.

Саша хотел было показать тундре кукиш, как делал не раз, уйдя от беды, но вместо этого продолжал стоять и смотреть, как позёмок вылизывает бледные щёки сугробов, и, вытягиваясь на юго-восток, растут твёрдые пальцы застругов.

Тундра дышала и двигалась вся в синем снежном дыму. Сто раз виденная и всегда колдовская картина.

Так! Обогреться и спать! На припечке, в полиэтиленовом мешочке, придавленный камешком коробок спичек.

Всего несколько минут, как снял рукавицы, а руки, и в прежние годы уже не раз прихваченные морозом, отказываются шевелить пальцами. Кулечек разорвал зубами. Но пальцы...

Напрасно дул Саша на пальцы, одну за другой роняя спички в снег, напрасно пытался отогреть, записывая в ледяную щель рта и прикусывая зубами. Для застывших, потерявших чувствительность пальцев, спичка - слишком мелкий предмет. «Эх, Таня, твои бы сюда рученьки, твои бы пальчики, твоё бы дыхание.» Поняв, что разжечь огонь не удастся, Саша опустился на оленьи шкуры у стены и мгновенно заснул. Минуту или час продолжалось это забытьё, но проснулся Саша от ясного сознания, что замерзает.

Об угол печки разорвал парку на груди, так, что вылетела дужка, и брызнули пуговицы. Сунул руки подмышки. Сквозь лихорадочный озноб, сотрясавший все тело, радостно почувствовал покалывание в кончиках пальцев.

От капкана к капкану, медленно, как в воде, бредет по тундре рослый мужчина. И, если споткнется о заструг и упадет, то, так и быть, отдыхает, а если нет, - идет дальше.

Так же дует в лицо безжалостный хиус, так же дымится поземок, и так же сквозь тонкую облачность льется сияние. Но дужка от стула уже не топорщит парку на груди, дуло ружья не торчит над ухом, и целлофан букета давно рассыпался в прах. Но каждый раз мужчина поднимается и проходит еще немножко.

«...Ещё не вся черёмуха в твоё окошко брошена...».

В тысячный, наверное, раз за эту неделю выходила Таня на порог слушать тишину. Двадцать пятого декабря предчувствие беды стало невыносимым.

Все шесть собак лежали в пристройке, уткнув носы в лохматые животы.

Мороз.

Мельком глянула Таня на термометр.

Сорок два.

Ладно.

Сорок два не пятьдесят.

Неохотно встали псы в алыки, но потом разогрелись, ходко пошли знакомым путем вдоль капканов.

Часа через два вожак круто развернул упряжку так, что Таня чуть не выпала из саней, и завыл, вскинув голову к размытой облаками луне.

На склоне сугроба на коленях стоял человек и неловкими слепыми движениями старался поднять упавшую с головы шапку.

«Пьяный, что ли?.. Господи, да это же...»

- Саша?

Медленно поднял он голову. Толчком вылетел пар и белой пылью рассыпался в воздухе.

«...Заря моя вечерняя, любовь неугасимая...»

- Саша!!!

В ответ полувздых-полустон.

Таня уже рядом.

Руки! Что с руками у него? Где рукави-

цы? Шарфом заматал... И что это? Свитер что ли разрезал...? Ни «Бурана», ни ружья и пустая ножна на поясе...

- Больно тебе, миленький? Дай-ка руки сюда, дай их сюда, сейчас отогреем под моей паркой..!

Долго ждут собаки прильнувших друг к другу посередине тундры мужчину и женщину.

- Домой! — Любимая команда. Домчали за час.

Какая благодать, зайти с мороза и ветра в жилиую избу! Как хорошо вдохнуть запах свежеспеченного хлеба и увидеть красные угли сквозь щели печной заслонки! Первым делом — руки мужа в холодную воду. Ведерко угля — в печьку, — чайник — на огонь.

- Ах, Саша, Саша... — медленно размывает она ледяную корку на его лице, освобождая бороду от вмерзшего в нее воротника свитера, от которого, похоже, один лишь воротник и остался. Сняла с него парку и на пол выпали гвоздики. Мятые, ломкие, черные...

- Спасибо, милый!

Помаленьку начинает она плакать. Лицо мужа до неузнаваемости распухло. Вместо глаз - щелки, на шее толстые красные полосы и такие же красные вывернутые губы.

- И какой же ты стал страшенький, губошлепистый... Пряма великий вождь Чака Зулу... Устроил праздничек, змей шершавый!

Вождь зулусов Шершавый Змей, он же Лапушка, Касатик и Чучундра Моя Ненаглядная, что-то бубнит и качает головой, но чай пьет сам, неуверенно держа чашку сардельками пальцев цвета перезревшей малины.

- Будем жить, Саша!

Опять видит она его стоящим на коленях в сугробе. Все ловит и ловит упавшую с головы шапку. И слезы опять каплют в чашку с чаем, и она садится рядом и прижимается к его красной обмороженной щеке своей красной от печного жара щекой. Чашка выскальзывает у него из рук и падает на пол.

Саша заснул, и Таня укладывает его в постель. Выходит в сени накормить собак. Поднимает с пола мятые черные цветы. Оглаживает их, распрямляет и ставит на стол, в банку с водой. Может, отойдут. Гасит лампу, и ложится рядом с мужем. Уютно, тепло и тихо. Потрескивают дрова в печи, плещут отсветы огня на стене, да ветер скользит по крыше.

Медленно проводит она рукой по буйной головушке и замечает еще один знак внимания: короткая стрижка, чисто выбритый затылок. Старался. Хотел понравиться. Лапушка.

«Господи, Царь небесный! Не умею я молиться. Не научили, не показали, не донесли. Но прими, Господи, бесконечную благодарность мою, что наполнил Ты мне сердце тревогой, что дал поспеть вовремя. Продли нам, Господи, медовый месяц, продли нам его надолго».

Пора оставить их одних. Могу лишь добавить, что один из цветков ожил. Нет, не красивый. Белый. Мне Таня говорила.

«...Еду, еду, еду к ней, еду к любушке своей!...»

Владимир ЭЙСЧЕР